АКАДЕМИЯ НАУК СССР

РУКОПИСИ
Д. И. ПИСАРЕВА

В СОБРАНИИ
ИНСТИТУТА ЛИТЕРАТУРЫ
ПУШКИНСКОГО ДОМА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Обязата...

РУКОПИСИ Д. И. ПИСАРЕВА

В СОБРАНИИ ИНСТИТУТА ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКОГО ДОМА) АКАДЕМИИ НАУК СССР

НАУЧНОЕ ОПИСАНИЕ

Составил
К. Н. ГРИГОРЬЯН

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Л. Б. МОДЗАЛЕВСКОГО

1/30

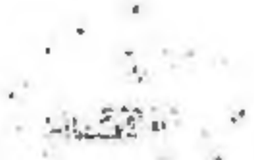
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1941 · ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
Л. Б. Модзалевский

ОТ РЕДАКТОРА

В октябре 1940 г. исполнилось 100 лет со дня рождения великого русского критика и публициста Дмитрия Ивановича Писарева. Институт литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР отмечает эту юбилейную дату изданием описания рукописей Д. И. Писарева и материалов о нем, хранящихся в Архиве Института литературы. Это описание, выполненное К. Н. Григорьяном, явится ценным пособием при изучении литературного наследия великого критика, так как включает в себя большинство сохранившихся до нашего времени немногочисленных его рукописей. Ценность работы К. Н. Григорьяна увеличивается публикацией в приложении к описанию текстов произведений критика, еще не бывших в печати.

Д. И. Писарев.



РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ Д. И. ПИСАРЕВА

Число дошедших до нас рукописей Д. И. Писарева весьма невелико. Автографы большинства его основных статей -- неизвестны. В Государственном Литературном музее в Москве хранится беловой автограф его статьи „Пушкин и Белинский". В собрании Института Литературы имеется автограф статьи „Дидро и его время", первая часть „Бедной русской мысли", беловой автограф обширного критического очерка „Мысли по поводу сочинений Марко Вовчка" и начало неизвестной в печати незаконченной статьи „Эдмонд Борк". К этому перечню нужно добавить еще четыре отрывка из разных статей.

Сохранились также: дневник Писарева 1850—1851 гг. с началом фантастического рассказа „Орден горы" и ученическая тетрадь периода пребывания его в Петербургской третьей гимназии (1852—1856 гг.). Из второй тетради гимназического периода был опубликован лишь очерк „Скука" [1]. Остальные юношеские произведения Писарева, тексты которых мы даем в „Приложениях", неизвестны в печати. Все эти материалы не лишены интереса. Первая из наших публикаций—„Летний вечер"—позволяет утверждать, что Писарев уже в детстве любил и ценил русскую природу. Существует между тем мнение, что Писарев в детстве был равнодушен к природе. Так утверждает в своих воспоминаниях дядя критика, А. Д. Данилов. И выбор темы, и те лирические мягкие

---

[1] Е. Казанович. Д. И. Писарев (1840—1856). Наука и школа Лгр., 1922, стр. 192—196.

тона, которыми Писарев пытается изображать вечерний сельский пейзаж, опровергают это мнение. Разбор комедии „Горе от ума" является первым, до сих пор неизвестным в печати, критическим опытом. Как бы примитивными и наивными ни были в нем приемы анализа характеров Грибоедовской комедии, все же он представляет не малый интерес для биографа. Небезинтересны скромный и сдержанный тон юноши-Писарева и его высокое представление о литературной критике.

Рассказ „Мщение" — классное сочинение, написанное под влиянием чтения приключенческих романов.

Особо большую ценность представляет юношеское сочинение Писарева „Первый урок за азбукой". Здесь он рассказывает о том, как сам учился грамоте. При этом будущий критик обнаружил тонкую психологическую наблюдательность.

В нашем описании заняли значительное место черновики переводов из Гейне. С конца 1859 г., по словам самого критика, Гейне сделался его любимым поэтом.

После выхода из психиатрической лечебницы, Писарев поселился в родном Грунце и страстно отдался прерванной болезнью литературной работе. Все лето 1860 года он провел в деревне и работал очень напряженно и интенсивно и, как писал к Л. Н. Майкову, в нем „неожиданно проснулась способность к стихотворным переводам". Здесь же он сообщал: „Вот сколько работ я делаю на этих каникулах: 1) Написал критическую статью об М. Вовчке в 6 печатных листов. 2) Перевел листа 2 биографии Шиллера. 3) Перевел целую песню (более 3000 стихов) Мессиады <Клопштока>. 4) Перевел более 1500 стихов из Гейне". Вместе с этим письмом он прислал Майкову несколько образцов переводов лирических стихотворений Гейне—с просьбой или сжечь или поместить куда-нибудь и вообще высказать свое мнение „стоит ли продолжать такого рода работы, удачны пере-

воды или нет"[1]. Помимо лирических стихотворений Гейне Писарев перевел также и его большую поэму „Атта Троль". Из всех этих переводов были напечатаны только „Атта Троль" и „Боги в изгнании", со включением стихотворного переложения легенды о Тангейзере. Несколько образцов переводов лирических стихотворений Гейне были напечатаны Е. П. Казанович в статье „Писарев о Гейне"[2].

Увлечение Писарева поэзией Гейне, в частности его лирикой, не случайно и является немаловажным фактом в развитии личности критика.

Тексты, публикуемые в „Приложениях", начинаются с отрывка автобиографического характера. Он связан с воспоминаниями студенческой жизни, по содержанию примыкает к статье „Наша университетская наука" и представляет большой интерес с точки зрения идейной эволюции Писарева, становления его „теории эгоизма". Отрывок этот написан, повидимому, во второй половине 1859 г., когда Писарев переживал глубокий кризис в личной жизни.

Слова „Господи боже мой — думал я в такие минуты, и зачем она меня не видит! Она бы наверное любовалась мною и, кто знает, может быть и полюбила бы меня", вероятно относятся к Раисе Александровне Кореневой. Последняя была близкой родственницей критика, выросла в доме Писаревых, с детских лет их связывала горячая дружба. В более зрелые годы Писарев видел в Кореневой „женщину молодого, нового поколения" и, питая к ней глубокое чувство, намеревался жениться. Она от-

---

[1] Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. Под ред. Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера. Изд. Акад. Наук СССР. М.—Л., 1940, стр. 145 (публикация Е. Казанович).

[2] Известия Академии Наук СССР, Отделение гуманитарных наук, 1929, № 8, стр. 655—672.

вечала ему дружбою, но отказалась соединить свою жизнь с его жизнью и вышла замуж за другого. Писарев переживал это долго и крайне болезненно.

Последующие два отрывка, очевидно, связаны со статьей Писарева „Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова" (1861 г.). Первый из них состоит, главным образом, из выписок, за которыми должны были последовать суждения критика. По содержанию этот отрывок скорее всего является подготовительным материалом к вступительной части статьи. С другой стороны, отрывок этот перекликается с ранними рецензиями Писарева. Вопрос о раскрепощении женщины и ее равноправии, особенно в период сотрудничества Писарева в журнале „Рассвет" (предназначенном для взрослых девиц), в творчестве его занимал значительное место. В статье „Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова" особенно остро ставился вопрос о равноправии женщины. „В избытке любви... в кипучей полноте покуда неосмысленного чувства, в отсутствии нравственной экономии и рассудочности" Писарев находил „задатки будущего, богатого развития, будущей широкой, разносторонней размашистой жизни, будущей плодотворной, любвеобильной деятельности. Что сделает женщина,—говорит Писарев,—если она будет развиваться наравне с мужчиной? Это вопрос великий и покуда неразрешимый"[1]. На основании этих суждений не трудно догадаться, в каком направлении работала мысль критика.

Второй отрывок нам представляется ненапечатанной сокращенной частью VII главы той же статьи (VII глава посвящена характеристике Веры из „Фауста" Тургенева). Очевидно, первоначально Писарев в этой главе задумал

[1] Д. И. Писарев. Избранные сочинения в двух томах, т. I. ГИХЛ, 1934, стр. 152.

подвергнуть такому же подробному, критическому анализу и личность Лизы из „Дворянского гнезда". Но впоследствии он сократил VII главу, сделав следующую ссылку: „Если же, паче чаяния, кто-нибудь из читателей пожелает знать мое мнение о Лизе, то я попрошу этого читателя внимательно просмотреть предыдущую главу моей критической статьи... Зная, как я смотрю на Веру, читатель узнает также, как я смотрю на Лизу"[1].

Уезжая в Дуббельн, Писарев обещал редакции „Отечественных Записок" написать для журнала семь статей. Выполняя свое обещание, Писарев в Дуббельне начал писать статью о Дидро, которую он не закончил, по свидетельству редакции, лишь потому, что „случайно сошелся с другим известным писателем"[2] (П. Лавровым, статьи которого „Лессинг и Дидро и северо-американское сектаторство" были напечатаны в „Отечественных Записках"). Начало статьи об известном английском политическом деятеле и писателе XVIII в. Эдмонде Борке, очевидно, относится к этому периоду и входит в число обещанных редакции семи статей. Таким образом публикуемая нами рукопись относится к 1868 г. и является одной из последних статей Писарева.

Настоящее издание преследует цель не только учета рукописного наследия Писарева, но и публикации новых текстов. Описание распадается на три раздела:

I. Оригинальные произведения, переводы, письма к разным лицам.

II. Письма разных лиц к Д. И. Писареву.

---

[1] Там же, стр. 177.—Подробная характеристика личности Лизы имеется в рецензии Писарева на роман И. С. Тургенева „Дворянское гнездо" („Рассвет", 1859), см. „Полн. собр. соч." Д. И. Писарева в 6 томах, т. I, изд. 5-е, 1909, стр. 204—209.

[2] См. примечание редакции к некрологу Д. И. Писарева („Отечественные Записки", 1868, август, стр. 175).

III. Материалы о Д. И. Писареве.

Приложения: Неопубликованные тексты Д. И. Писарева.

В основу настоящего издания положены те же принципы, которыми мы руководствовались в описании рукописей Н. Г. Чернышевского.[1]

К. Григорьян

---

[1] Рукописи Н. Г. Чернышевского в собрании Института литературы (Пушкинского Дома) Академии Наук СССР. Составил К. Н. Григорьян. Под ред. Л. Б. Модзалевского. Изд-во Акад. Наук СССР. М.—Л., 1939.

I. АВТОГРАФЫ Д. И. ПИСАРЕВА

1. ОРИГИНАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ПЕРЕВОДЫ И ДР.

а) Оригинальные произведения

1. Дневник. Рассказ „Орден горы". <1850>, окт. 28—1851, мая 6.

На лл. 1_1, 1_2, 2_1 исправления карандашом рукою В. Д. Писаревой (?) стилистического характера. На лл. 1_1 и 4_1 рисунки пером Д. И. Писарева. Сшитая тетрадь. На л. 8_2 конец дневника. Последняя строка: „когда было уже за полночь". Там же начало рассказа „Орден горы (сон)". Без конца. Главы I, II, III и начало IV. Кон.: „По причине сильной головной боли".

16 лл., 210 × 175 мм; III. 9557. LVI б. 71.

Е. Казановича. Д. И. Писарев (1840—1856). Наука и школа, Пгр., 1922, стр. 139—151 (Дневник). — Сборник Пушкинского Дома на 1923 год, Гиз., 1922, стр. 237—244 („Орден горы").

2. Ученическая тетрадь. <1852—1856>.

1) „I. Алкивиад. II. Наставники Алкивиада. III. Алкивиад, предводитель войска против Сиракуз подозреваем. IV. Алкивиад проклят и бежит в Спарту. V. Подозреваемый спартанцами, Алкивиад бежит к Тиссаферн и посылает афинянам войско. VI. С Алкивиада снимают проклятие. VII. Алкивиад впадает в немилость. VIII. Алкивиад ведет переговоры с гражданами. IX. Алкивиад без надежды, бежит к Фарнабазу". Лл. 1_1—6_1.

2) „Дядя Домби (из Дикинса)". II. Ужин. III. Дорога. IV. Старые мальпосты. V. Отъезд. VI. Ссора из-за ног". Лл. 6_2—16_2.

3) „Летний вечер". Лл. 16_2, 17_1, 17_2.

4) „Разбор комедии „Горе от ума". В конце отметка карандашом неизвестной руки (не разобрано). Лл. 17_2—20_1.

5) „Мщение". Рассказ из испанской жизни. В конце подпись: „Д. Писарев". Лл. 20_2—22_1.

6) „Первый урок за азбукой", с датой: „23-го января". В конце отметка преподавателя В. Я. Стоюнина (?): „Очень хорошо. 22 февраля". Лл. 22_1—24_1.

7) „Скука". В конце отметка преподавателя В. Я. Стоюнина (?): „Очень хорошо. 8 марта". Лл. 24_2—26_2.

На л. 27_1 – подпись: „Писарев" и карандашом запись рукою В. Д. Писаревой: „Иван Яковлевич Четиркин. Франц Самойлович Тотлебен на углу Мал. прос. и 11-й линии собств. дом".

29 лл. (27_2, 28_1, 28_2, 29_1 и 29_2 чист.), 215 × 170 мм; Ш. 9558 LVI б. 71.

Напеч. только „Скука" — Е. Казанович. Д. И. Писарев (1840—1856). Наука и школа. Пгр., 1922, стр. 192—196.

3. „Мысли по поводу сочинений Марка Вовчка (Критический этюд Д. Писарева)". <1860 май—июль>.

48 лл. (48_2 чист.), 360 × 220 мм; Ш. 9560. 51 б. 73.

Д. И. Писарев. Полное собр. соч. в шести томах, 5-е изд. Ф. Павленкова, дополнительный выпуск, Пбг., 1913, стр. 1—116

4. „Намеки природы. Перевод с английского А. Славцевой. Выпуск первый. 1861". <1861>.

Беловой автограф с незначительными исправлениями. В конце л. 8_2 подп. „Д. Писарев".

8 лл., 320 × 210 мм; Ш. 9561. LVI б. 74.

5. „Бедная русская мысль (Наука и литература в России при Петре Великом. Исследование П. Пекарского)". <1862, первая половина>.

Отрывок. Главы IV—VII. Нач.: „К. С. Аксаков в своей статье о богатырях времен великого князя Владимира...". Кон.: „по малой причине до народа не имеют и в народные дела не вмешиваются, и от того никакую..." (Гл. VII без конца).

20 лл. (1_2—20_2 чист.), 350 × 220 мм; Ш. 9564. LVI б. 77.

„Русское Слово", 1862, кн. 5, стр. 45—79.

6. „Дидро и его время". <1868>.

Беловой автограф. Без конца. Последн. строка: „Этого было совершенно достаточно, чтобы собрать грозу над головою Дидро". Авторск. пагинация: стр. „1—34".

17 лл., 270 × 210 мм; Ш. 9563. LVI б. 76.

Сб. „Звенья". Academia, № 6, 1935, стр. 649—684.

7. „Эдмонд Борк".

Неоконченная статья. Кон.: „Стали искать все лондонские знаменитости".

4 лл. (4_2 чист.), 265 × 210 мм; Ш. 9562. LVI б. 75.

8. Отрывок. <1861>.

Отрывок из сокращенной ненапечатанной части VII главы статьи „Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова" (?) (К анализу характера Лизы из „Дво-

рянского гнезда" Тургенева). Нач.: „...тем воротиться к Байроновскому трагизму он <Гейне> не мог, потому что никто не может по своему желанию сбавить себе лет..." Кон.: „прямо включает Лизу в ряды новейшего, деятель..."

В текст включены переводы двух лирических стихов. Гейне (1. „Сиял один мне в жизни. Один чудесный лик..." 2. „Пора, пора за ум мне взяться!..") и отрывок из стихотворения А. Н. Майкова — „Жизнь еще передо мною..."

1 л., 340 × 220 мм; Ш. 9559³. LVI б. 72.

9. Отрывок <1861>.

Материалы для вступительной части статьи: „Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова" (?). Нач.: „Послушайте Соломона: „Прелесть женщины обманчива..." Кон.: „Это обстоятельство естественно наводит на следующие..."

1 л., 355 × 220 мм; Ш. 9559⁴. LVI б. 72.

10. Отрывок.

Из автобиографической записки (?). Нач.: „...чающим душу. Но когда мне приходилось высказывать и отстаивать созданную мною теорию..." Кон.: „... то самое, что я буду делать для собственного удовольствия". На л. 1_1 рукою Б. А. Марковича примеч. к тексту: „О Марко Вовчке". На л. 1_2 его же рукою: „К автобиогр. Писарева".

1 л., 350 × 215 мм; Ш. 9559². LVI б. 72.

б) Переводы

11. „Атта Троль" и „Царь мавров" Генриха Гейне. <1860>.

Черновик перевода „Атта Троль" на лл. 1—31. В конце л. 31_2 подп.: „Д. Писарев". На лл. 32_1, 32_2, 33_1 перевод из Гейне— „Царь мавров". На л. 33_1—33_2 библиографические заметки.

33 лл., 350 × 110 мм; Ш. 9566. LVI б. 79.

„Русское Слово", 1860, кн. 12, стр. 1—62.

12. <„Северное море". Г. Гейне>. <1860. лето, Грунец>.

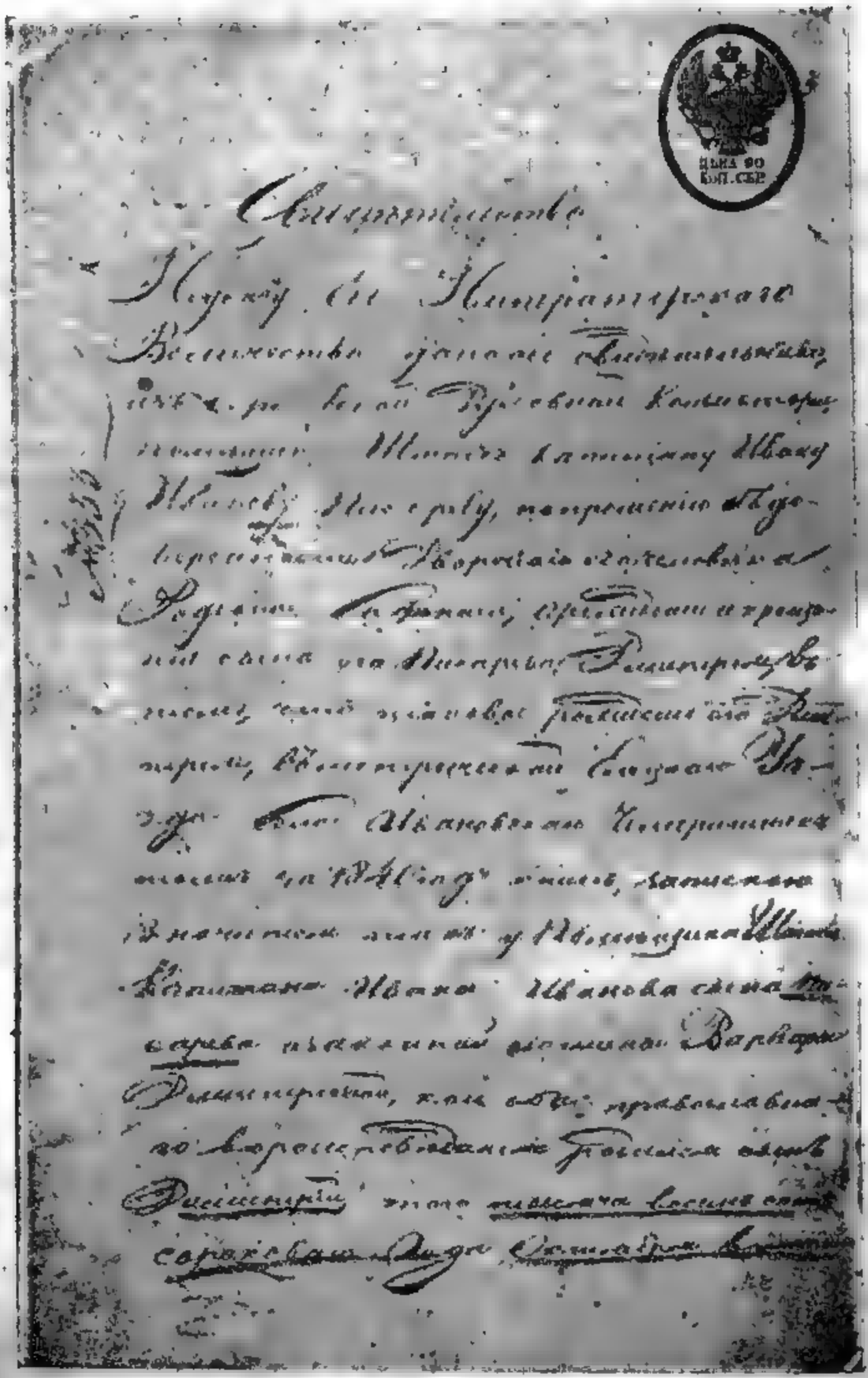
Отрывок. Нач.: „...А луна проходит ночью..." <III. „Закат солнца">. „IV". <„Ночь на берегу">. „V. Посейдон". „VI. Объясн<ение>" и „VII. Ночью в каюте". Кон.: „Слезы звездные лучами потекут и не иссякнут..."

2 лл., 215 × 155 мм; Ш. 9565. LVI б. 78.

13. Переводы из Гейне. <1860, лето, Грунец>.

В сшитой тетрадке из почтовой бумаги, без обложки.

1) „Бог Аполлон". Подп.: „Д. Писарев". Дата: „12 июня"; лл. 1_1—5_1 № 10 из цикла „Historien": „Der Apollogott".



Копия метрического свидетельства Д. И. Писарева.

2) „Пфальцграфиня Юта". Подп.: „Д. Писарев". Дата: „13 июня"; лл. 5_2—6_1.
№ 18 из цикла „Historien": „Pfalzgräfin Jutta".
3) „Катарина". Подп.: „Д. Писарев". Последняя строфа VII и первые две строфы VIII главы—рукою В. И. Писаревой; лл. 6_1—11_2.
№ 12 из цикла „Verschiedenes": „Katharina".
4) „Мелкая лирика". а) „XXIII. (Посвящается Р. А.Кореневой)".— „Отраженная луна На волнах морских дрожит". Подп.: „Д. Писарев". б) „XIX. Снова сердце побежденное...", в) „XXXII. Через лес, в сиянье месяца..." Подп.: „Д. Писарев"; лл. 11_2—12_2.
Из цикла „Neuer Frühling": a) XXIII. „Wie des Mondes Abbild zittert in den wilden Meereswogen..." b) XIX. „Wieder ist das Herz bezwungen..." c) XXXII. „Durch den Wald im Mondenscheine..."
12 лл.; III. Арх. Л. Н. Майкова, № 991.
Шестидесятые годы, стр. 146—150.

— **Перевод из Гейне „Гейнрих"** <1860>, июля 7 — см. № 23.

14. Черновики переводов из Гейне. 1860 <лето, Грунец>.
В сшитой тетрадке, без обложки. Часть карандашом.
1) „II. Снова в девственную зелень Рощи одевается..." („Новая весна"); л. 1_2.
Из цикла „Neuer Frühling. 2": „In dem Walde spriesst und grünt es...".
2) „III. Весенней ночи взоры на нас радушно смотрят..."; Второй вариант: „III. Ночь весны с улыбкой милою Звездный взор на нас бросает..." („Новая весна"); л. 1_1.
Из цикла „Neuer Frühling. 3": „Die schönen Augen der Frühlingsnacht..."
3) „VI. Тихо в душу проникает колокольчиков бренчанье" („Новая весна"); л. 1_2.
Из цикла „Neuer Frühling. 6": „Leise zieht durch mein Gemüt..."
4) „XXVIII. Похищая поцелуи Их украдкой возвращая..." („Новая весна"); л. 1_2.
Из цикла „Neuer Frühling. 28": „Küsse, die man stiehlt im Dunkeln..."
5) „Небо тусклыми глазами Как старик на нас взирает..." („Новая весна"); л. 1_2.
Из цикла „Neuer Frühling. 42": „Verdrossnen Sinn im kalten Herzen hegend..."
6) „XVI. Если твой опытный глаз В песни заглянет мои..." („Новая весна"); л. 2_1.

Из цикла „Neuer Frühling. 16": „Wenn du gute Augen hast..."

7) „XVII. Зачем весной ты ночью бродишь, Цветы в смущение приводишь..." („Новая весна"); л. 2_1.

Из цикла „Neuer Frühling. 17": „Was treibt dich umher in der Frühlingsnacht..."

8) „Пролог"—„Видел я в портретном строе Образ мужа бородатый..." („Новая весна"); л. 2_1—2_2.

Из цикла „Neuer Frühling": „Prolog".

9) „V. Месяц май настал Расцвели деревья..." Второй вариант: „Май пришел прелестный Груши зацветают..." („Новая весна"); л. 2_2.

Из цикла „Neuer Frühling. 5": „Gekommen ist der Mai..."

10) „XIX. Снова сердце побежденное Прежний гнев забыло..." („Новая весна"); л. 2_2—3_1.

Из цикла „Neuer Frühling. 19": „Wieder ist das Herz bezwungen..."

11) „XX. Роза дышет ароматом Сознает ли то она?" („Новая весна". Только две начальные строки); л. 3_1.

Из цикла „Neuer Frühling. 20": „Die Rose—duftet—doch ob sie empfindet..."

12) „Эмма" („Разные"); лл. 3_1—4_2.

Из цикла „Verschiedenes": „Emma".

13) „Рыцарь Тангейзер". С пропуском XVIII строфы II главы. I строфа I главы и II строфа II главы—в двух вариантах. В конце подпись: „Д. Писарев"; лл. 4_2—8_2.

Из цикла „Verschiedenes": „Der Tannhäuser".

Отдельная запись между II и III гл. на л. 7_1: „Близ Сухар<евой> башни. В приходе Троицы на листах, в д<оме> священника кв<артира> Свенкина. Митя Баратов".

14) „Трагедия"; лл. 8_2—9_1.

„Tragödie".

15) „На чужбине"; лл. 9_1—10_1.

„In der Fremde".

16) „Что тебе мое сиянье?" („Романсеро. Из письма"); л. 10_1—10_2.

Из цикла „Romanzen. Aus einem Briefe": „Was gehn dich meine Blicke an?.."

17) „VII. Пусть я умру от ран кровавых..." („Романсеро. Год 1829"); л. 11_1—11_2.

Из цикла „Romanzen. Anno 1829. 7": „Dass ich bequem verbluten kann".

18) „XI. Русалки" (только I строфа и первая строка II строфы. „Романсеро 11"); л. 11_2.

Из цикла „Romanzen": „Die Wixen".

19) „XXXII. Через лес в сияньи месяца...“ („Новая весна. 32“); л. 11_2.

Из цикла „Neuer Frühling. 32“: „Durch den Wald im Mondenschein...“

20) „VIII. По деревьям и по гнездам...“ („Новая весна. 8“); л. 12_1.

Из цикла „Neuer Frühling. 8“: „Es erklingen alle Bäume...“

21) „IX. Люблю я цветок, а который не знаю...“ („Новая весна. 4“): 12_1—12_2.

Из цикла „Neuer Frühling. 4“: „Ich liebe die Blume, doch weiss ich nicht welche...“

22. „XIII. Синие глаза весны...“ („Новая весна. 13“); подп.: „Д. Писарев“; л. 12_2.

Из цикла „Neuer Frühling. 13“: „Die blauen Frühlingsaugen“.

23) „XL. Мечты заветные цветут...“ („Новая весна. 40“); л. 12_2.

Из цикла „Neuer Frühling. 10“: „Die holden Wünsche blühen...“

24) „XXIX <XXXIX>. Снова надо оторваться...“ („Новая весна. 39“); лл. 12_2, 13_1.

Из цикла „Neuer Frühling. 39“: „Schon wieder bin ich fortgerissen...“

25) „XXXVIII. Весна серьезна, все мечты ее печальны...“ Вторая строфа в двух вариантах („Новая весна. 38“); л. 13_1.

Из цикла „Neuer Frühling. 38“: „Ernst ist der Frühling, seine Träume...“

26) „XXXVII. Звезды ножками златыми Тихо бродят над землей...“ („Новая весна. 37“); л. 13_1—13_2.

Из цикла „Neuer Frühling. 37“: „Sterne mit den goldnen Füsschen...“

27) „XXXV. Не страшись, когда с восторгом Я тебе пою...“ („Новая весна. 35“); л. 13_2.

Из цикла „Neuer Frühling. 35“: „Sorge nie, dass ich verrate...“

14 лл. (л. 14 чист.), 220×85 мм; Ш. LVI б. 78/9565.

15. Переводы из Гейне. <1860, лето. Грунец>.

1) Переписанные рукою Д. И. Писарева первые 16 строф немецкого текста из „Иегуды Бен-Галеви“ („Еврейские мелодии“); л. 1_1.

2) „В моих объятиях ты будешь...“ („Der Ungläubige. Du wirst in meinen Armen ruhn!..“); л. 1_2.

3) „Ты скончалась и не знала, Что краса очей пропала...“ („Altes Lied. Du bist gestorben und weisst es nicht...“) л. 2_1.

Каранд. запись: „Narrative of the voyages of the venture and Beagle (Journal and remarks by Charles Darwin). Otfried Müller. Archäologie der Kunst“.

2 лл. (2_2 чист.), 355×98 мм; Ш. LVI б. 78/9565.

16. Отрывок перевода статьи Гейне „Боги в изгнании" <1860—1861>.

Нач.: „...ей пергаменную записку. Наш герой буквально исполнил приказания. Сердце его сильно билось, когда ровно в полночь...". Кон.: „Разве ты хочешь оскорблять меня <...> нами ты по <...> за эти слова..." Конец л. 5 поврежден. С переводом легенды о Тангейзере.

5 лл., 270×215 мм; Ш. 9659[1] LVI 6. 72.

в) Официальные документы

17. Прошение на имя инспектора студентов С.-Петербургского университета Александра Ивановича Фицтум фон Экстедта об увольнении в отпуск на каникулы <1858, мая 27, С.-Петербург>. Подп.: „Студент Дмитрий Писарев".

2 лл. (1_1, 1_2, 2_1, 2_2 чист.), 350×220 мм; Ш. Р. I, оп. 22, № 38.

2. ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ

18. Письма к разным лицам.

Тетрадь с автокопиями писем Д. И. Писарева на франц. яз.; писаны частью рукою В. Д. Писаревой с ее заметками, примечаниями, и копиями писем разных лиц.

Писаревым, Ивану Ивановичу и Варваре Дмитриевне.

1) <1852, начало апреля> лл. 15_2—16_2.
2) 1855, января 10; лл. 1_1—3_1.
3) 1855, января 20; лл. 3_1—4_1.
4) 1855, января 27; лл. 4_1—5_1.
5) 1855, февраля 8; лл. 5_2—6_1.
6) 1855, февраля 19; лл. 6_2—7_1.
7) 1855, марта 3; лл. 7_1—8_1.
8) 1855, марта 19; лл. 8_1—9_1.
9) 1855, марта 28; лл. 9_1—10_1.
10) 1855, апреля 9; лл. 10_1—11_2.
11) 1855, апреля 25; лл. 11_2—12_2.
12) 1855, мая 11; лл. 12_2—14_1.
13) 1855, мая 19; лл. 14_1—14_2.
14) 1855, июня 6; лл. 14_2—15_1

Петербургская б. третья гимназия. Ныне 13-я советская трудовая школа. За сто лет. Воспоминания, статьи и материалы, Пгр., 1923, стр. 248—252 (только отрывки).

Полностью опубликованы: Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. Под ред.

Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера. Изд. Акад. Наук СССР, М.—Л., 1940, стр. 107—136. [1]

15) **Писаревой**, Варваре Дмитриевне. <1859>.

„Друг мой maman! Вчера я получил твое письмо...“; лл. 16_2—17_2.

16) **Писаревой**, Вере Ивановне. 1859, ноября 12; лл. 17_2—19_1.

17) **Благосветлову**, Григорию Евлампиевичу <1865, после 7 августа>. Объяснения по поводу статьи „Нерешенный вопрос“: лл. 19_1—20_1.

Русское Обозрение, 1893, № 10, стр. 863—865.

18) **Ему же** <1865, второе письмо после 7 августа>; лл. 20_1—21_2.

Там же, № 12, стр. 932—935.

19) **Писаревой**, Варваре Дмитриевне. <1864>.

Без начала: „моего заключения, не был болен в настоящем смысле этого слова...“; лл. 22_1—23_1.

20) **Писаревой**, Варваре Дмитриевне. 1864, апреля 30.

„Третьего дня, друг мой Мамаша, получил твое письмо от 22-го апреля...“; лл. 23_1—25_1.

21) **Писаревой**, Варваре Дмитриевне. 1864, мая 7; лл. 25_1—26_2.

22) **Писаревой**, Варваре Дмитриевне. 1864, мая 19; лл. 26_2—29_1.

23) **Писаревой**, Варваре Дмитриевне. 1864, мая 29.

Здесь же заметки и примечания В. Д. Писаревой; лл. 29_2—30_1.

24) **Неизвестной**, Лидии Осиповне. Письмо первое. <1864>.

„Милостивая госуд. Лидия Осиповна. Вы вероятно приняли мое предложение за глупую шутку...“ лл. 30_2—31_2.

Русское Обозрение, 1893, № 1, стр. 225—228.

25) **Неизвестной**, Лидии Осиповне. Письмо второе. <1864>.

„Милостивая государыня Лидия Осиповна! Я получил Ваш ответ...“ Здесь же примечания В. Д. Писаревой; лл. 31_2—34_2.

Там же, № 2, стр. 739—744.

26) **Гарднер**, Раисе Александровне. <1864>.

„Mia Cara! В твоем последнем письме ты очень остроумно сражаешься с ветряными мельницами...“; л. 34.

Там же, № 1, стр. 224—225.

27) **Суворову-Рымникскому**, кн. Александру Аркадьевичу 1864, ноября 8.

„Mon Prince! Pendant toute ma captivité...“ Здесь же примечания В. Д. Писаревой; л. 35_1—35_2.

28) **Эттингер**, мадам. 1864, ноября 8; лл. 35_2—36_1.

---

[1] В дальнейшем цитируется: Шестидесятые годы

29) Писарев, Иван Иванович—Турунову, Михаилу Николаевичу. <1864>.

„Господин цензор Русского слова опять притесняет моего несчастного сына...“ Здесь же примечания В. Д. Писаревой; л. 36_1—36_2.

30) **Благосветлову**, Григорию Евлампиевичу. <1865>.

„Ваше Благосветлие! Вот мои планы...“; лл. 36_2—37_1.

Русское Обозрение. 1893, № 3, стр. 363—364.

31) **Ему же**. <1865>.

„Бесстыжие твои глаза!...“; лл. 37_1—38_1.

Там же, № 6, стр. 818–821.

32) **Ему же**. 1865, августа 7; лл. 38_2—39_1.

Там же, № 8, стр. 808—809.

33) **Ему же**. <1865, ноябрь>.

„Григорий Евлампиевич! На твое последнее письмо я отвечу тебе...“; л. 39_1.

Там же, № 3, стр. 364.

34) Делянов, Иван Давыдович — Писаревой, Варваре Дмитриевне, 1860, апреля 20.

Здесь же заметки и примечания В. Д. Писаревой; л. 40_1.

40 лл. (39_2 и 40_2 чист.), 230×185 мм; Ш. Personalia. P. I, оп. 22, № 39.

19. Майкову, Леониду Николаевичу. <1858, конец июня—начало июля>.

„Вот уж больше месяца...“

2 лл., 210×130 мм; Ш. Арх. Л. Н. Майкова, № 991.

Шестидесятые годы, стр. 143.

20. Майкову, Леониду Николаевичу. 1858, июля 30, Грунец.

2 лл., 205×133 мм; Ш. Арх. Л. Н. Майкова, № 991.

Шестидесятые годы, стр. 143—144.

21. Трескиной, Александре Кондратьевне (жене Алексея Михайловича Трескина). 1859, июля 23.

2 лл., 197×128 мм; Ш. 14.614. LXXXV б. 17.

Сб. „Звенья“, „Academia“, кн. 6, 1935, стр. 755—756.

22. Майкову, Леониду Николаевичу <1860, вторая половина мая>.

„Благодаря излишней заботливости...“.

1 л., 210×130 мм; Ш. Арх. Л. Н. Майкова, № 991.

Шестидесятые годы, стр. 144—146.

23. Майкову, Леониду Николаевичу <1860>, июля 7. „Спасибо, любезный друг Леонид...“; в тексте письма находится перевод стихотворения Г. Гейне: „Гейнрих“.

2 лл., 210×130 мм. Ш. Арх. Л. Н. Майкова, № 991.

24. **Маркович.** Марии Александровне (Марко Вовчок), <1867?> февраля 21.
„Друг мой Маша! Сегодня я мог уже ждать от тебя письма..."
2 лл., 203×133 мм; Ш. 9555. LVI б. 69.
Шестидесятые годы, стр. 54—55.

25. **Маркович,** Марии Александровне (Марко Вовчок) <1867>, ноября 30.
„Герле удивил и огорчил меня ужасно..."
2 лл., 130×100 мм; Ш. 9555. LVI б. 69.
Шестидесятые годы, стр. 55—56.

26. **Маркович,** Марии Александровне (Марко Вовчок). <1867>, декабря 1.
„Спал я, друг мой, долго и по обыкновению хорошо..."
2 лл., 130×100 мм; Ш. 9555. LVI б. 69.
Шестидесятые годы, стр. 56—57.

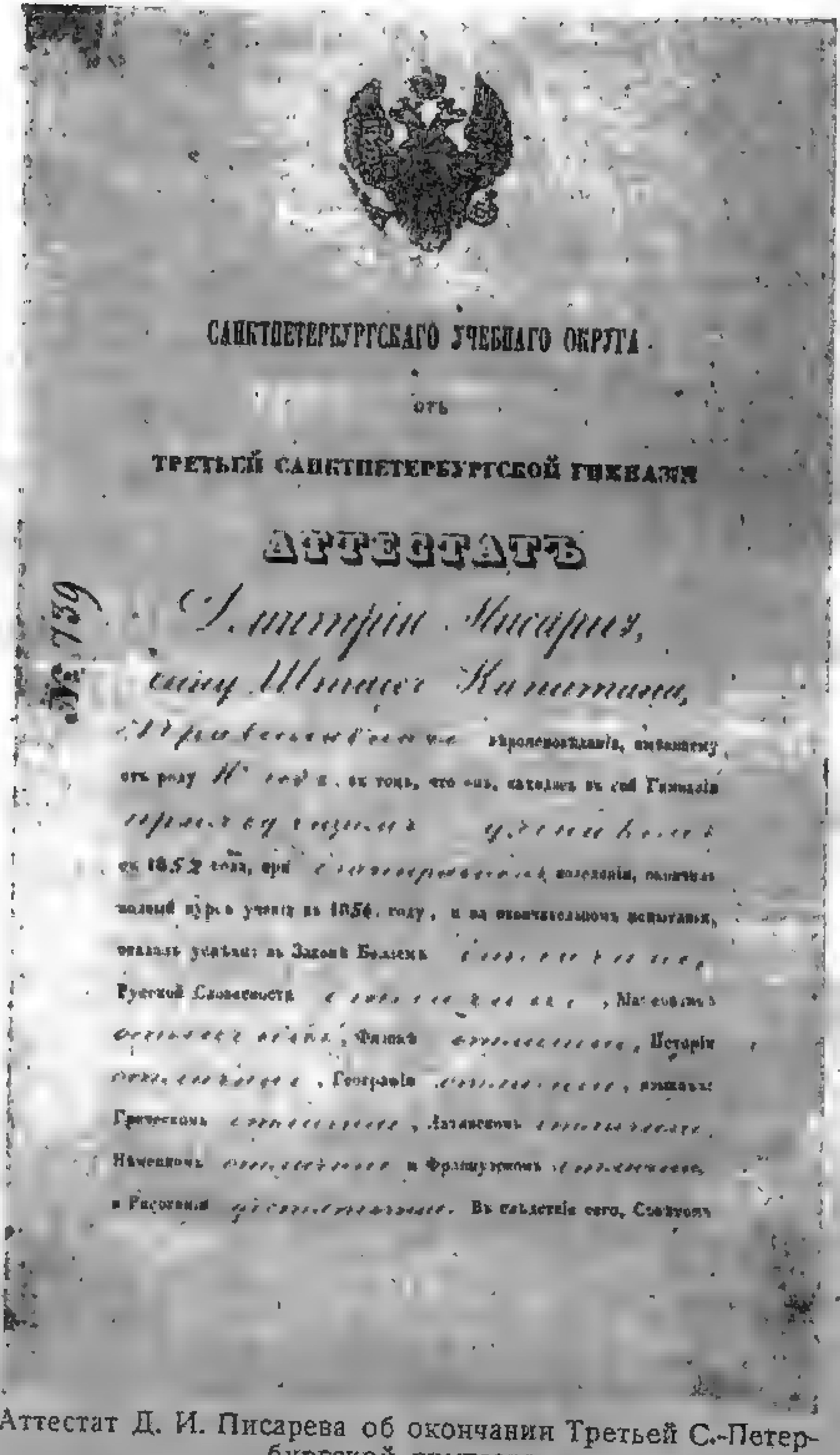
27. **Маркович,** Марии Александровне (Марко Вовчок). <1867>, декабря 2.
„Сегодня я поехал к Ковалевскому..."
2 лл., 130×100 мм; Ш. 9555. LVI б. 69.
Шестидесятые годы, стр. 57.

28. **Маркович,** Марии Александровне (Марко Вовчок). <1867> декабря 3.
„Дописав письмо к тебе, я отправился..."; л. 2 на франц. яз.
2 лл., 130×100 мм; Ш. 9555. LVI б. 69.
Шестидесятые годы, стр. 57—58.

29. **Маркович,** Марии Александровне (Марко Вовчок) <1867>, декабря 4.
„Сегодня утром мы с Бенни ходили в баню..."
2 лл., 130×100 мм; Ш. 9555. LVI б. 69.
Шестидесятые годы, стр. 59.

30. **Маркович.** Марии Александровне (Марко Вовчок) <1867>, декабря 5.
„Вот ты уж и забыла меня, друг мой..."; л. 2 на франц. яз.
2 лл., 130×100 мм; Ш. 9555. LVI б. 69.
Шестидесятые годы, стр. 59—60.

31. **Маркович,** Марии Александровне (Марко Вовчок). <1867>, декабря 6.
„Сегодня, после кофе, я пошел бросить твое письмо..."
2 лл., 130×100 мм; Ш. 9555. LVI б. 69.
Шестидесятые годы, стр. 60—61.



САНКТПЕТЕРБУРГСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА

отъ

ТРЕТЬЕЙ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ГИМНАЗІИ

АТТЕСТАТЪ

№ 759

Дмитрію Писареву,
сыну Штабсъ Капитана,
[illegible] вѣроисповѣданія, имѣющему
отъ роду 16 [illegible], въ томъ, что онъ, находясь въ сей Гимназіи
[illegible]
съ 1852 года, при [illegible] поведеніи, окончилъ
полный курсъ ученія въ 1856 году, и на окончательномъ испытаніи,
оказалъ успѣхи: въ Законѣ Божіемъ [illegible],
Русской Словесности [illegible], Математикѣ
[illegible], Физикѣ [illegible], Исторіи
[illegible], Географіи [illegible], языкахъ:
Греческомъ [illegible], Латинскомъ [illegible],
Нѣмецкомъ [illegible] и Французскомъ [illegible],
и Рисованіи [illegible]. Въ слѣдствіе сего, Совѣтомъ

Аттестат Д. И. Писарева об окончании Третьей С.-Петербургской гимназии.

32. Маркович, Марии Александровне (Марко Вовчок). <1867>, декабря 7.

„Я кажется, друг мой, начинаю дуреть и дурить..."
2 лл., 130×100 мм; Ш. 9555. LVI б. 69.
Шестидесятые годы, стр. 61.

33. Маркович, Марии Александровне (Марко Вовчок). <1867>, декабря 8.

„Друг мой, тебя нет и письма нет от тебя..."; лл. 2_1, 2_2 на франц. яз.
2 лл., 130×100 мм; Ш. 9555. LVI б. 69.
Шестидесятые годы, стр. 62.

34. Маркович, Марии Александровне (Марко Вовчок). <1867>, декабря 9.

„Твое последнее письмо, друг мой, произвело на меня тяжелое впечатление..."; частично на франц. яз.
2 лл., 130×100 мм; Ш. 9555. LVI б. 69.
Шестидесятые годы, стр. 62—63.

35. Писаревой, Варваре Дмитриевне. <1868>.

„Chère Maman! Je Vous demande pardon..."; на франц. яз., на л. 2_1 каранд. помета Богдана Афанасьевича Марковича: „Последнее письмо П—ва Варваре Дм—не и об отдаче ее долга (150?) Марко Вовчку".
2 лл., 133×102 мм; Ш. 9556. LVI б. 70.

II. ПИСЬМА РАЗНЫХ ЛИЦ к Д. И. ПИСАРЕВУ

36. Павленков, Флорентий Федорович. 1865, декабря 17.
2 лл. (2_2 чист.), 210 × 135 мм; Ш. LVI б. 65/9547.

37. Павленков, Флорентий Федорович. 1865, декабря 20.
2 лл. (л. 1—210×130 мм, л. 2—140—130 мм); Ш. LVI б. 65/9547.

38. Коробов, А. Г. <1866>.
„Вы говорите, что ваше письмо не удовлетворит меня..."
3 лл., 260 × 205 мм; л. 3—50×205 мм; Ш. LVI б. 57/9528.

39. Коробов, А. Г. <1866>.
„Вот и опять я пишу к вам..."
2 лл., 215 × 175 мм; Ш. LVI б. 57/9538.

40. Коробов А. Г. <1866>.
„Конечно, в этом письме вам прежде всего бросится в глаза полнейшая безграмотность..."
4 лл., 210×130 мм; Ш. LVI б. 57/9538.

41. Тургенев, Иван Сергеевич. 1867, мая 22/10. Баден-Баден.
2 лл., 210×130 мм; Ш. LVI б. 81/9569.
„Радуга. Альманах Пушкинского Дома", Пб., 1922, стр. 211—214.

42. Тургенев, Иван Сергеевич. 1867, мая 23, июня 4. Баден-Баден.
2 лл., 210×130 мм; Ш. LVI б. 81/9569.
„Радуга. Альманах Пушкинского Дома", Пб., 1922, стр. 221—224.

43. Некрасов, Николай Алексеевич. 1867, июля 6. Карабиха, близ Ярославля.
2 лл., 210×135 мм; Ш. 9544. LVI б. 62.

44. Писарева, Варвара Дмитриевна. <1867>, сентября 28.
„Милый друг Митя. Вчера получила твое письмо..."
3 лл., 130×100 мм (л. 3—80×130 мм); Ш. LVI б. 66/9551.

45. Писарев, Иван Иванович. 1867, октября 15.
4 лл., 210×130 мм; Ш. LVI б. 80/9567.

46. Павленков, Флорентий Федорович. <1867, октябрь—ноябрь>.
„Оставляю Вам текст предостережения...“
1 л., 210×135 мм; Ш. LVI 6. 65/9547.

47. Павленков, Флорентий Федорович. 1867, ноября 9.
2 лл. (2 чист.), 120×133 мм; Ш. LVI 6. 65/9547.

48. Маркович, Мария Александровна <1867, декабря 1, 2> 7 ч. вечера, 8 ч. утра. Москва.
„Доехала хорошо и пишу теперь...“
2 лл., 130×100 мм; Ш. LVI 6. 59/9541.

49. Маркович, Мария Александровна. <1867>, декабря 2, 12 часов, декабря 3, 8 часов утра.
„Кончила все дела в Москве...“
2 лл., 130×100 мм; Ш. LVI 6. 59/9541.

50. Маркович, Мария Александровна. <1867>, декабря 4, декабря 5 10 ч. утра.
„Я очень желаю ехать домой...“
2 лл., 130×100 мм; Ш. LVI 6. 59/9541.

51. Маркович, Мария Александровна. <1867>, декабря 5.
„От Богдана все еще нет депеши...“
2 лл., 125×100 мм; Ш. LVI 6. 59/9541.

52. Маркович, Мария Александровна. <1867>, декабря 7.
„От Богдана еще нет депеши...“
2 лл. (2_2 чист.), 125×100 мм; Ш. LVI 6. 59/9541.

53. Маркович, Мария Александровна. <1867>, декабря 8.
„Теперь ты, уже верно получил мои письма...“
2 лл., 125×100 мм; Ш. LVI 6. 59/9541.

54. Маркович, Мария Александровна. <1867>, декабря 9.
„Сегодня Богдан в вечеру...“
2 лл., 120×97 мм; Ш. LVI 6. 59/9541.

55. Кутейников, Николай Степанович. 1867, декабря 14.
2 лл., 233×140 мм; Ш. LVI 6. 58/9540.

56. Павленков, Флорентий Федорович. 1867, декабря 14.
2 лл. (1 чист.), 205×130 мм; Ш. LVI 6. 65/9547.

57. Павленков, Флорентий Федорович. <1867>, декабря 19.
„Казавшаяся многим невероятность сделалась вероятною“...
2 лл. (1_2 и 2_1 чист.). 215×135 мм; Ш. LVI 6. 65/9547.

58. **Писарева**, Варвара Дмитриевна. <1867>.
„Милый Друг Митя! Благодарю тебя, что вспомнил меня..."
1 л., 102×130 мм; Ш. LVI б. 66/9551.

59. **Писарева**, Варвара Дмитриевна. <1867>.
„Mercі cher ami Митя pour les livres..."
1 л. 130×100 мм; Ш. LVI б. 66/9551.

60. **Павленков**, Флорентий Федорович. 1868, апреля 17.
2 лл., 205×130 мм; Ш. LVI б. 65/9547.

61. **Писарева**, Варвара Дмитриевна. <1868>, мая 21. Тула.
„Милый и в с е-т а к и любимый Митя! не думала, чтобы так скоро..."
На л. 2 письмо к Маркович, Марии Александровне, на франц. яз.: „Bonjour ma bien aimable Marie..." <1868>, мая 21.
2 лл., 210×135 мм; Ш. LVI б. 66/9551.

III. МАТЕРИАЛЫ о Д. И. ПИСАРЕВЕ

1. ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

62. Свидетельство о состоянии здоровья Д. И. Писарева. 1850, октября 8.

Выдано Задонским уездным врачом Келером. На гербовой бумаге.

2 лл. (1_1, 2_1 и 2_2 чист.), 360×220 мм; Ш. Р. I, оп. 2, № 40.

63. Свидетельство о рождении Д. И. Писарева. 1852, января 23. <Орел>.

Выдано Орловской духовной консисторией. На гербовой бумаге.

2 лл. (2_1, 2_2 чист.); 360×220 мм: Ш. Р. I., оп. 22, № 40.

64. Свидетельство о дворянском происхождении Д. И. Писарева. 1852, мая 23. <Тула>.

Выдано Тульским дворянским депутатским собранием. Копия за подписью губернского предводителя дворянства Норова. На гербовой бумаге.

2 лл. (2_2 чист.), 360×220 мм; Ш. Р. I, оп. 22, № 40.

65. Аттестат Д. И. Писарева об окончании третьей С.-Петербургской гимназии. 1856, июня 15. С.-Петербург.

2 лл. (2_2 чист.), 350×220 мм; Ш. Р. I, оп. 22, № 40.

66. Свидетельство, выданное Д. И. Писареву инспектором студентов С.-Петербургского университета А. И. Фицтум фон-Эстедтом о том, что он состоит студентом. 1858, января 24. С.-Петербург.

2 лл., 350×220 мм; Ш. Р. I, оп. 22, № 38.

2. ВОСПОМИНАНИЯ И ДРУГИЕ ЗАПИСИ РАЗНЫХ ЛИЦ

67. Некрасов, Николай Алексеевич. <1868, августа 7>.

Стихотв. „Не рыдай так безумно над ним" и записка к Марковичу, Марии Александровне. Каранд.

2 лл. (2 чист.), 350×220 мм; Ш. 9546. LVI б. 64.

„Радуга. Альманах Пушкинского Дома", Пб. 1922, стр. 226—228.

68. **Маркович**, Мария Александровна (?). <1868, август>.
О перевозке тела Писарева из Дуббельна (?). Каранд. запись: „На палубе волнение — узнали, что находится в ящике и пристают ко мне. Публика очень недовольна тем, что ночевали с покойником, притом же ящик течет. Говорят, что и буря потому, что мы едем с покойником". Внизу рукою Б. А. Марковича (?): „Писарев. рука".
1 л. (1_2 чист.), 180×77 мм; Ш. Из дополнительной части архива М. А. Маркович.

69. **Письмо Павленкова, Флорентия Федоровича к Маркович, Марии Александровне.** 1868, августа 15.
По поводу рукописей Д. И. Писарева, находящихся у М. А. Маркович, и о расходах, связанных с перевозкой тела Д. И. Писарева из Дуббельна. Здесь же расписка Николая Кутейникова в получении долга от Д. И. Писарева.
2 лл. (л. 1_2 чист.), 205×130 мм; Ш. Из дополнительной части архива М. А. Маркович.

70. **Данилов**, Андрей Дмитриевич. <1868>.
„Несколько отрывочных воспоминаний о Д. И. Писареве".
17 лл. (1_2 и 17_2 чист.); 265×210 мм; Ш. 9536. LVI б. 55.

71. **Маркович**, Богдан Афанасьевич. <1900-е годы>.
„Д. И. Писарев. Новые материалы для биографии и характеристики. Черновые наброски".
20 лл. (1_2, 7_2, 10_2 – 18_2, 20_2 чист.), 350×220 мм (л. 14—223×220 мм); Ш. LVI б. 60 9512.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ТЕКСТЫ Д. И. ПИСАРЕВА

I

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Чтобы описывать природу, нужно описывать ее не там, где она искажена искусством человека, не там, где под ногами каменные плиты, кругом каменные громады, не там, где все, что доступно человеку изменено, и не всегда к лучшему, нужно, одним словом, перенестись куда-нибудь в деревню и там-то можно будет вполне насладиться природой, и составить себе множество различных сельских ландшафтов простых и понятных всякому, кому только хоть раз удалось видеть их самому, но в то же время чрезвычайно приятных и пленительных своими разнообразиями и трогательными красотами.

Вот садится солнце и последние лучи его, как бы на прощанье освещают румяным, радостным светом, село, которое мало-помалу оживляется; крестьяне, проведшие день в поле, возвращаются в хижины; стада, поднимая пыль, с мычанием бегут домой; в воздухе чувствительна прохлада, тени делаются постепенно длиннее и гуще, но все тихо; нет ни ветерка, ни даже малейшего движения в воздухе; все как бы боится нарушить торжественное спокойствие природы. Листья, измученные палящим зноем, отдыхают под благотворным влиянием живительной прохлады; но мы не подражаем этому спокойствию; тут-то, когда на западе исчезают последние лучи солнца, мы покидаем жилища, чтобы надышаться свежим, ароматическим воздухом, чтобы полюбоваться багровым заревом вечерней зари, которая уже начинает разыгрываться на западе, мирным безмятежным течением реки, в которой отражаются во всей красе великолепные цвета, предшествующие закату солнца, густою свежею зеленью лесов, бросающих фантастическими таинственными узорами свою постепенно сгущающуюся тень на влажные луга.

Часто случалось мне, прогуливаясь по берегу реки, наблюдать за последними лучами скрывающегося солнца, и замечать, как все вокруг меня стихало, как звуки один за другим замирали около меня,

как все засыпало или принимало на себя печать спокойной таинственности. На западе погас уже последний луч зари и безоблачный свод подергивается как будто черным крепом; умолкли радостные многочисленные хоры лесных птиц; голуби летят на ночлег, на чердаки, на кровли, в риги, в сараи, и подвернув голову под крыло, засыпают; блеснула первая звезда, и роса крупными каплями падает на траву; в деревне зажигаются огоньки, которые как звездочки выглядывают из маленьких окошек хижин; летучие мыши, вырываясь из своих чердаков, начинают шнырять в воздухе, перелетают с крыши на крышу и как будто резвятся; являются в воздухе целые тучи комарей, которые вертятся, вертятся, жужжат вам в уши и тотчас исчезают из виду. Но и это утихает; и слышен лишь над рекой печальный, однообразный крик пустушки, или иногда один из тех непонятных звуков, которых трудно найти причины и которые также исполнены таинственной прелести.

Восходит луна, но все спит, и она освещает серебристыми своими лучами лишь отягченную росою растительность, да соломенные кровли тихих жилищ.

2

РАЗБОР КОМЕДИИ „ГОРЕ ОТ УМА"

Дерзко было бы с моей стороны разбирать, критиковать столь знаменитое произведение, столь превосходную и верную сатиру на все глупости и странности нынешнего общества, и потому под именем разбора я здесь подразумеваю не критику, о которой мне смешно было бы и подумать, но легкий эскиз характеров комедии и указание тех мест, которые особенно привлекли на себя мое внимание.

Фамусов, человек бесхарактерный, слепо подражающий всем обычаям света, для которого приговор света закон; человек, которого в свете почитают умным, потому что он вышел в люди, не вмешивался в истории и не сделал на своем веку ни одной глупости, которая бы резко отделила его от подверженной этикету толпы, которую мы называем светом. Но этот ум принадлежит не ему, это только рабское, низкое подражание тому, что делают другие; подражание, в котором не отдает себе отчету, если бы и предположить, что он когда-либо спрашивал когда у себя в том отчета. Одним словом, весь этот пустой, хамелеоновский характер можно видеть в последних его словах: «Что скажет М. <арья> А. <лексевна>». Все старания его в комедии обращены на то, чтобы выдать Софью за Скалозуба и,

не оскорбляя Чацкого, вытурить его из дому. Чацкого он боится, как вообще всех тех, которые живут по-своему, имеют самостоятельный ум и осмеливаются спрашивать: «Отчего делается в свете так, а не эдак?» Он считает их за либералов, и не имея духу и достаточных причин зажать им рот, убедительно просит их, как бы боясь соблазниться, бросить эти завиральные идеи.

Впрочем, Чацкий в самом деле человек необыкновенный; негодуя на все неблагородное, недостойное человека, он желал бы ниспровергнуть все священнейшие обычаи света, священные потому, что они освящены веками; он смеется над всем тем, что он презирает, а презирает он все то почти, пред чем преклоняется свет. Но иронический едкий смех его отзывается какою-то горечью; он иногда переходит в прямой, желчный упрек, вырывающийся из глубоко оскорбленной души; видно, что в его груди нежное, любящее сердце, как например, при первой встрече с Софиею; но холодный прием той, в кою он был влюблен, холодное приветствие: «Ах, Чацкий, я вам очень рада» охладили его снова и опять посыпались сарказмы, насмешки и колкости, сделавшие его столь страшным свету. Но потом, когда он остается наедине, оскорбленная душа его изливается в горьких упреках, и когда он сбрасывает с себя маску насмешливости, видно, что он страдает, и только чтобы скрыть от света свои страдания, он превозмогает себя и старается смеяться над тем, что возбуждало его негодованье.

Софья пустая девушка,[1] начитанная французскими романами, которая ищет себе героя, чтобы вкусить с ним прелесть любви, так заманчиво описанной в любимых ее авторах, и не видя никого, кто бы удобно мог служить ей предметом страсти, она бросает глаза на Молчалина и воображает себе, что действительно страстно любит его, старается увериться в этом, старается представить себе, что нашла в Молчалине тот идеал, который рисует себе ее восторженное, расстроенное воображение. Оттого происходят ночные свидания с Молчалиным, во время которых Софья вероятно твердит ему приторно-сладкие, бессмысленные заученные нежности, стараясь уверить себя, что живо чувствует, что говорит. А что делает в это время Молчалин? С подобострастной улыбкой на губах, он безмолствует, что иные приписывают скромности, или отвечает на восторженные тирады своей Дульцинеи частичками: да-с, нет-с, не иначе однако же, как предварительно узнавши ее мнение, чтобы не противоречить ни словом, ни знаком дочери своего начальника. Он существо безгласное, не смеющее даже выразить своего мнения, трус, льстец, подлизывающийся к начальникам и ползущий тихомолком кверху; этот низкий, ничтожный характер выразился как нельзя яснее в сцене с Чацким;

---

[1] *Было:* простая девица.

Первая страница детского дневника Д. И. Писарева.

удивительно только, что человек, бешеный, как Чацкий, так долго, не горячась, говорил с тем, в ком сосредоточиваются почти все недостатки и пороки, так язвительно и справедливо осмеянные им в обществе. Молчалин не любит Софью, и даже не хочет себе воображать, что любит ее. Он строит куры Лизе, горничной Софьи, хорошенькой, живой субретке, вероятно потому, что он только с ней дерзает говорить смело.

Скалозуб, жених, которого прочит Фамусов Софье, но который, видно, не способен возбудить в ней романтической страсти, солдат, в полном смысле слова, служака, который не умеет говорить ни об чем, кроме службы; человек добрый, но не блестящего ума и безо всякого образования; он даже не замечает, с какою целью увивается вокруг него Фамусов, не понимает даже прямого намека:

Зачем откладывать бы дальше
Речь завести об генеральше.

На бале у Фамусовых множество различных разительно верных характеров: Хрюмина, Хлестова — злые, старые сплетницы; Тугоуховский с женою и с дочерями ищут женихов на каждом бале, но никто не берет этих молодых куколок, у которых кроме тряпок нет разговора; Платон Михайлович с женой, при которой не смеет пикнуть; Загорецкий, лгун, плут, которого все ругают и все боятся; все это общество общими силами распускает слух, будо Чацкий сошел с ума, и наш герой, пораженный уже приемом Софьи, взбешенный нелепым слухом, которому все с радостью верят, покидает навсегда дом Фамусовых, и в сенях разражается в упреках, в горьких жалобах на несправедливость и подлость света. О достоинстве комедии я судить не могу по двум причинам; во-первых потому, что это не входит в состав моего плана, а во-вторых потому, что надо было бы знать тогдашнее общество, чтобы судить о ее верности. Впрочем, осмеливаюсь сказать, что найдутся и теперь еще и Фамусовы, и Молчалины, и романтические Софьи; и кроме некоторых, слишком резко выставленных странностей, Горе от ума могло бы послужить и нынешнему обществу полезным уроком.

3

МЩЕНИЕ

I

В окрестностях Севильи, в густом лесу, стояли двое молодых людей, еще до восхода солнца, меряя друг друга презрительными взглядами; шагах в 16 от них шептались между собою два дона средних лет, вероятно секунданты. Уговорившись наконец и определив условия дуэли, старший из них, у которого глаза блистали каким-то диким огнем, отмерил двенадцать шагов. Другой секундант, внимательно осмотрел у обоих пистолеты, и оба отошли в сторону.

— Можно было бы дать знак, дон Родриго? спросил младший из секундантов.

— Извольте, я готов, дон Диего, отвечал Родриго, помирить их нет способу.

По данному сигналу раздались выстрелы и слились в один гул; один из молодых людей упал с раздробленым черепом; пистолет разорвало у него в руке, и осколки разлетелись по поляне; адская улыбка блеснула на губах Родриго; Диего заметил ее и побледнел; между тем противник убитого бросил пистолет, вскочил на верховую лошадь, стоявшую за деревом, и ускакал. В тот же день Диего был арестован и отведен куда-то в дальнюю горную крепость.

Через неделю после дуэли Альмагро писал графу Рамиро, отцу убитого:

Друг мой!

Ты перенес столько жестоких ударов, что у меня недостает духу рассказывать тебе, что произошло. Сын твой убит и я служил ему секундантом. Ты знаешь его историю с Жервезом; он подрался с ним; секундант его, известный подлец, только что воротившийся из изгнания, подкупленный Жервезом, подменил пистолет, который при выстреле должно было разорвать; его и разорвало в руке Жоржа; заметив это, я хотел остановить Жервеза, но было поздно; раздался выстрел и Жоржа не стало!.. Секундант Жервеза сидит в крепости; сам Жервез получил от меня пощечину и выстрелил в меня на расстоянии трех шагов. Но рука его дрожала и он оцарапал мне только левое плечо. Я теперь лечусь от раны, довольно мучительной, но недели через две намерен отдать ему свой выстрел. Приезжай, друг Рамиро, и будь моим секундантом. Мсти за сына.

Твой Альмагро де Родриго.

2

В доме Родриго, в старинной зале, выстроенной в маврском вкусе, обвешанной оружием, сидели два гранда: один из них был Родриго; другой, седой, бледный, но в глазах которого блистал весь юношеский огонь, был старый Рамиро.

— Я послал за ним карету, он скоро должен быть, если только он не струсил заранее, сказал дон Родриго.

Лицо старого дона судорожно скривилось:

— Да, произнес он дрожащим голосом, я готов быть твоим секундантом, друг мой, впрочем в этом деле мне нужно было бы самому драться.

— Нет, Рамиро, предоставь это мне, возразил Родриго, я начал, я и кончу.

В передней раздался звонок, и вскоре в зал вошел Жервез, раскланялся, и после обыкновенных приветствий Родриго встал и спокойно, но довольно громко произнес:

— Вы верно знаете причину моего приглашения?

Жервез молча пожал плечами.

— Вы помните две или три недели тому назад, в Кларенском парке...

— Помню, помню, с напряженным вниманием отвечал Жервез.

— Вы помните, также и разорванный пистолет, и пощечину, и выстрел?

— Помню; впрочем это не объясняет мне причины вашего приглашения.

— Вы не помните того, что я вам должен выстрел?!

Жервез отступил на три шага: в первый раз слышу, сказал он с удивлением.

— Читайте, мрачно сказал Рамиро; я отец того Жоржа, о котором здесь говорится, прибавил он, страшно блеснув черными глазами из-под черных бровей, густо нависших, и вручая Жервезу уже известное нам письмо Родриго. Жервез пробежал его глазами, судорожно смял его и устремил огненный взгляд на Родриго.

— Низко, подло, вскрикнул он задыхающимся голосом; ложь, клевета!

— Докажите это, с ироническою улыбкою сказал Родриго.

— А секундант мой, где Диего? в бешенстве закричал Жервез.

— Гм! в городе есть слух, будто он, по вашей милости, сослан в Сарагоссу.

— Какая же мне цель при этом, для чего бы я это сделал?

— Да во-первых для того, чтоб не боясь улики, ссылаться на него, а потом для того, чтобы я не мог потребовать его сюда.

— Расчет хорош, нечего сказать, произнес Рамиро.

— Докажите же и вы, что это не вымыслы; докажите, что Рамиро убит изменнически; докажите, что я вас ранил!

Родриго обнажил левое плечо и показал недавно закрывшуюся рану немного ниже кости.

— Я вижу, Жервез, мой пистолет вам чересчур страшен, и хотя я имею право и средство заставить вас стать под выстрел, я не хочу этого; живите, Жервез, живите, желаю вам всегда находить сговорчивых секундантов, вроде Диего; да дуэлисты-то вряд ли найдутся!

— Сюда, господа, сюда, продолжал он отвернувшись от Жервеза, и вводя из боковой комнаты пять грандов из лучших фамилий, цвет испанского дворянства.

— Вы слышали и видели, что здесь происходило и можете судить о нем по его теперешнему поведению.

Напрасно Жервез требовал выстрела Родриго; строгий презрительный взгляд грандов возвестил ему, что его репутация погибла и что в Испании ему оставаться нельзя. Уничтоженный, лишенный честного имени, он скрылся где-то в Калифорнии, и об нем ничего более не было слышно.

Дон Родриго мстил за какую-то обиду, нанесенную ему отцом Жервеза, которому было во время нашего рассказа лет 60. Он умер с горя, услышав о гибели сына.

Д. Писарев.

4

23 января

ПЕРВЫЙ УРОК ЗА АЗБУКОЙ

Учились мы все, по разным методам, более или менее удачным, и более или менее понятным. Но всех нас начали учить обманом, да, да, обманом, хотя и в нашу пользу, но тем не менее обманом; стараются подстрекнуть любопытство, которое почти в каждом ребенке существует в высшей степени. Я сужу по себе. Да иначе и нельзя. Как вы докажете 3- или 4-летнему ребенку пользу учения? Он вас так озадачит своим неожиданным зачем, что вы не найдете, что и отвечать ему. По врожденному любопытству, он будет стараться узнать причину всего, даже того, что принимается обыкновенно безо всякой очевидной и понятной ему причины. Учить ребенка

силой невозможно, потому что если слезы неизбежны при изучении азбуки, то по крайней мере нужно, чтобы первые два, три урока были для него забавой; если же она ему надоест с первого разу, то вы от него ничего не добьетесь; наказания будут его только раздражать, и от этого ему еще больше опротивят азбука и учение, единственные причины его неудач. Особенно трудно усадить резвого ребенка, привыкшего бегать, которого, как говорится, калачом не заманишь домой. Он и смотреть не захочет на ваши картинки; ему гораздо веселее резвиться на свободе, ловить бабочек, тормошить свою Амишку или Фидельку, да это и очень естественно. К счастью моих первоначальных наставников, может быть и к моему счастью, я не был таков. Флегматический, тяжелый ребенок, я не любил бегать; это меня утомляло; к тому же у меня не было сверстников, и это способствовало еще сделать меня сиднем. Сижу, бывало, за маленьким столиком, расставляю картонные куколки, раскладываю какой-нибудь casse-tête, рассматриваю картинки, или слушаю повесть об Амадлее Галльском, или русскую сказку о Бове Королевиче; я был неприхотлив на рассказы; чем несообразнее, чем невероятнее были эти рассказы, тем более прелести имели они в моих глазах; я не верил ничему неестественному, но любил следить за порывами воображения рассказчика, любил носиться мысленно в мире духов, колдунов и ведьм; тогда я делал это, разумеется, бессознательно; но эта страсть к фантастическому развивалась во мне так, что 8 лет я написал сказку под заглавием «Рамалион», сцену которой перенес на звезду, называемую «Миром духов». Кроме того, я с удовольствием слушал давно известные мне рассказы, если только в них переменяли некоторые выражения, или вставляли какие-нибудь вымышленные распространения, точно также как теперь люблю читать одно и то же сочиненье, если только каждый раз у меня есть какой-нибудь новый слушатель. Впрочем, из того, что я любил сидеть за столом, да рассматривать, раскладывать и рассматривать картинки, прошу не заключать, что я любил заниматься. Напротив, я охотно взял только первые три урока азбуки, и то только потому, что это было новенькое, а вовсе не из любознательности, как иногда совершенно несправедливо величали мое любопытство. Да, кстати нужно сказать несколько слов о моей азбуке, которой я так много обязан. Она была в синем бумажном переплете с надписью «Азбука русского слова»; в ней не было картинок, но на первых трех листах были большие красивые буквы, которые прежде чрезвычайно мне нравились, потом шли первые буквы меньшего размера, наконец курсивые буквы, и длинная, скучная история слогов. Были там еще нравоучения, наставления, растянутые по слогам, на бумаге, так, как тянут их голосом учащиеся, выводя престранные ноты, которые приводят в отчаянье

и выводят из терпения первоначальных наставников; далее шли молитвы и некоторые отрывки из священной истории. Вообще, видно было, что сочинитель этой Азбуки полагал, что его нравоучения могут послужить не одними упражнениями для чтения. Впрочем Азбука не была для меня трудна; она надоела мне, как все мне надоедало; во мне уже не было пламенного желания, не было того рвения, с каким я садился за Азбуку в первый раз, она уже не имела прелести новизны, но я не имел к ней того отвращения, которое всегда чувствую к тому, что мне не удается. Вот писание, другое дело! Ментором моим был приходской учитель соседней деревни Каменки; он обыкновенно приходил ко мне часов в 5 пополудни, именно тогда, когда спадает жар, когда последние лучи заходящего солнца ярко освещают, верхушки гор, и падают чрез большие окна старинного зала на дубовый некрашенный стол, и на выбеленные стены, и на старинного фасона стенные часы, и на зеленое сукно бильярда, и на все, на все, что окружало в дни минувшего детства. Вокруг меня все собиралось гулять; носили мимо меня шляпки, зонтики, калоши, мантильи, но редко уходили без меня; несмотря на то, всякий раз мною овладевал страх, что меня оставят дома, я с боязненным волнением следил глазами за приготовлениями к гулянью; я торопился, старался как можно скорее дописать положенные две страницы, и буквы небрежно ложились на бумагу, криво, косо. Вот *а* перешло через линейку, или *н* разошлось внизу так, что и смотреть гадко, а между тем я тороплюсь более и более, потому что все уже одеты и уже растворяются двери балкона; замечания моего учителя смущают меня еще более; но я уже кончаю вторую страницу и сам готовлюсь к гулянью; если кто-нибудь взглянет на мою тетрадь, то я пропал; или вовсе не пойду гулять, или, если и пойду, то вовсе не нахожу того удовольствия, которое обещал себе. Однако довольно на этот раз этой болтовни; я и так забыл, что это сочиненье будет читано при слушателях, которых вовсе не интересует мое детство, и отступил от своей темы; однако описывать первый урок за Азбукой в строгом смысле почти невозможно; потому что воспоминания детства всегда бывают темны, смутны; никогда нельзя собрать их в одно целое; в нашей памяти сохраняются только те происшествия, которые сильно подействовали на наше детское воображение, а урок за Азбукой вещь обыкновенная; итак я описал здесь только те случаи при моем воспитании, которые я помню сам, а описывать 1-ый урок за Азбукой не берусь.

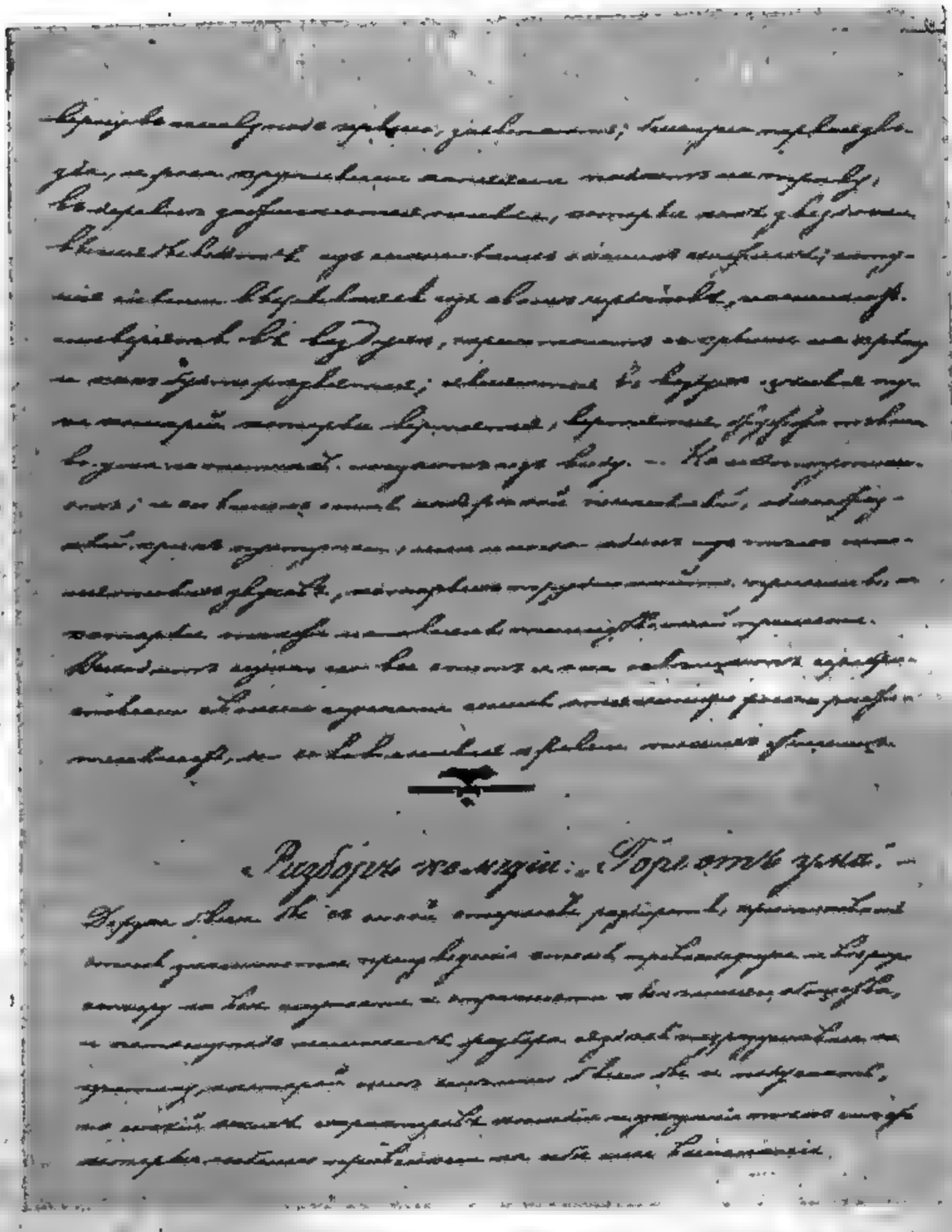
Очень хорошо.
22 февраля [1]

[1] *Помета преподавателя* (*Г. К.*).

5

<ОТРЫВОК БЕЗ ЗАГЛАВИЯ>

...чающим душу. Но когда мне приходилось высказывать и отстаивать созданную мною теорию, когда предметом разговора становились мои идеи и убеждения, тогда я чувствовал прилив вдохновения; глаза загорались, на щеках выступал яркий румянец, по спине пробегал электрический холод, я проводил рукою по широкому своему лбу и начинал говорить так, что сам себя заслушивался. Силы-то, силы-то сколько я чувствовал в подобные минуты. Господи боже мой, думал я в такие минуты, и зачем она меня не видит! Она бы наверное любовалась мною и, кто знает, может быть и полюбила бы меня. Я сам себе непомерно нравился и избыток самодовольства награждал меня за понесенные потери. Молодой Токарев сочувствовал моему горю, когда видел меня огорченным; потом, когда произошел перелом, он стал вглядываться в меня с каким-то сомнением; наконец, когда я развил свою теорию эгоизма, он стал горячо спорить со мною, как поэт и идеалист; на его восторженные тирады я часто отвечал насмешливым и всегда самонадеянным тоном; как диалектик, я был сильнее его и любил побеждать его, ставить втупик или выводить из терпения. Я делал все это шутя, почти для забавы, потому что вдохновлялся только собственною идеею и спорил, вовсе не стараясь убедить противника и не допуская даже возможности быть убежденным. Токарев, напротив того, думал исправить мои ошибочные воззрения, считал их следствием недоразвития и спорил с добросовестным желанием принести мне пользу. Споры наши кончались обыкновенно тем, что он разражался и умолкал, говоря, что я софист и что со мною не столкуешь. Я приписывал этот результат убедительности моих доводов и еще более оставался доволен и своею теориею, и своими умственными способностями.—В Петербурге, в кругу близких товарищей, теория моя была принята дружным взрывом негодования; это меня огорчило, но не сконфузило; товарищи мои мечтали о самоотверженной деятельности, о служении идее добра, о труде на пользу общества, и потому можно себе представить, как враждебно подействовал на них мой систематический и рассчитанный эгоизм. Они меня не понимают, подумал я, и не усомнившись ни на минуту в верности моих воззрений, попросил моих товарищей не удаляться от меня до тех пор, пока они не будут иметь случая порицать мои поступки. Я высказал эту просьбу по следующей причине: я был уверен, что различие теоретических убеждений не поведет к различным поступкам, что они будут делать по сознанию долга то самое, что я буду делать для собственного удовольствия.



Страница из ученической тетради Д. И. Писарева с началом разбора комедии «Горе от ума».

6

<ОТРЫВОК БЕЗ ЗАГЛАВИЯ>

Послушайте Соломона:

«Прелесть женщины обманчива и доброта ее — один порок», — говорит он в своих притчах.

Далее: «Влюбленный мужчина следует за женщиною как жертвенный вол, обреченный на заклание».

«Сколько рыб в пучине моря, говорит Кодр, сколько звезд на небосклоне, столько лжи в сердце женщины».

Гиппократ важно упрекает женщин в их «врожденной хитрости».

Сократ говорит: «Лучше жить с крылатою змеею, чем с женою». «Любовь женщины, по его словам, страшнее ненависти мужчины».

Апостол Павел напоминает женщинам о повиновении, которым они обязаны мужчине. Жена, по мнению апостола, должна уважать мужа столько, сколько муж должен уважать бога. Апостол строго запрещает женщинам говорить в церкви и даже не позволяет им возвышать голоса, чтобы вместе с священнодействующими возносить хвалу создателю.

История и миф в один голос приписывают женщине все бедствия, когда-либо поражавшие род человеческий. — Назовем только имена Евы, Далилы, Пандоры, Елены, дочерей Даная и пр. Христиане запрещают женщине отправлять богослужение, юридический быт не дает ей места в суде; Магомет не пускает ее в рай, а между тем в его раю сидят и б а р а н, принесенный в жертву вместо сына Авраамля, и к и т, проглотивший Иону, и м у р а в е й, которого Соломон в своих притчах ставит в образец человеку и наконец п о п у г а й царицы Савейской.

«Вообще, говорит Тит-Ливий, женщины кротче в публике, нежели дома».

«Нечего выбирать между женщинами, говорит Плавт; все они никуда не годятся».

Святой Златоуст говорит еще того хуже. — Сенека философ утверждает, что «только безобразие может повести женщину к целомудрию».

Раввины, в своих нравственных узаконениях, в статье о ревности предлагают следующий вопрос: «Сколько времени женщина должна остаться наедине с совершенно незнакомым мужчиною для того, чтобы дать право мужу обвинить ее в измене и поступить с нею как нарушительницею супружеской верности». Разрешается этот вопрос так: «Столько времени, сколько потребно на то, чтобы сварить яйцо в смятку и проглотить оное».

«Самая простодушная женщина, говорит Брантом, приведет на базар самого хитрого мужчину и продаст его с публичного торгу, так что тот и не заметит».

Рабеле между прочим утверждает, что жены «маскируются и церемонятся в присутствии мужей, но зато, как муж за дверь, жена берет свое, сбрасывает личину и является в истинном свете».

А вот слова Монтаня: «Хороших женщин, как известно всем и каждому, не считают дюжинами, особенно когда зайдет речь о добросовестном исполнении супружеских обязанностей».

При пробуждении своем Эдема первый житель
С собою рядом, вместо своего ребра
Увидел плоти своей плоть и кости от своих костей
И первый сон его последней был минутою покоя.

«Хитра лиса, говорит испанская пословица, а жена хитрее». «Хотите, говорит госпожа Неккер, чтобы какое-либо мнение восторжествовало? Обратитесь к женщинам. Они легко примут его — по невежеству; быстро распространят его — по болтливости, и долго будут его отстаивать — из упрямства».

«Милостивые государыни, говорил с церковной кафедры проповедник новейшего времени, известно ли вам, почему после своего блаженного воскресения господь наш, Иисус Христос явился сначала женам. А вот почему: зная их врожденную словоохотливость, он рассказал им тайну, для того чтобы они поскорее ее разнесли по свету».

Довольно и этих цитат; на основании их мы можем вывести заключение, что во всякое время мужчины злословили женщин и что всего более восставали против них писатели. Ни один тиран не выслушивал подобных ругательств, а между тем известно, что тираны в трагедиях очень долго терпеливы; тирады, направленные против них угнетаемою невинностью, договариваются до конца и надоедают зрителям, а тиран все слушает и молчит. Решается он позвать своих телохранителей и остановить поток красноречия негодующей добродетели только тогда, когда оратор ввернет ему какую-нибудь дерзость на *не*. Тогда является повелительное движение рукою и стих под рифму:

Телохранители, сюда, ко мне!..

Этим стихом добродушные тираны дают знать, что и их терпение лопнуло. Но о тиранах довольно.

Итак, с тех пор, как солнце сияет и мир стоит, идет беспрерывная, ожесточенная война; мужчины яростно нападают на женщин, и между тем от сотворения мира могущество слабого и застенчивого пола осталось в полной и совершенной неприкосновенности.

Это обстоятельство естественно наводит на следующие...

7

<ОТРЫВОК БЕЗ ЗАГЛАВИЯ>

. . .тем воротиться к Байроновскому трагизму он не мог, потому что никто не может по своему желанью сбавить себе лет; просто и серьезно определить отношение к своим страданиям было не по силам его надломленной природе. И поневоле в его песнях звучит «хохот полный адской муки», которому мы поневоле сочувствуем, потому что это черта чисто человеческая, но который мы с высоты мысли никак оправдать не можем. Вот два лирические стихотворения Гейне, в которых совершенно выразился этот комизм.

Сиял один мне в жизни
Один чудесный лик,
Но он угас, и мраком
Я был затоплен вмиг.

Когда детей внезапно
В лесу застигнет ночь,
Они заводят песню,
Чтоб ужас превозмочь.

И я, чтобы не думать,
Пою среди людей.
Скучна им эта песня
Да мне не страшно с ней.

Тут уж очень ясно Гейне говорит, что его смех заглушает собою рыданья, которые разорвали бы грудь, когда бы им была дана воля; замечательно, что и это признание делается с полуулыбкою, которая почти необходима, чтобы сдержать слезы. А вот другое его стихотворение, в котором тон мрачнее и потому искреннее. Оно заключает в себе оправдание трагизма и признание в неискренности смеха.

Пора, пора за ум мне взяться!
Пора отбросить этот вздор
С которым в мир привык являться
Я, как напыщенный актер.

Смешно все в мантии иль в тоге,
С партера не сводя очей,
Читать в надутом монологе
Анализ сердца и страстей!..

Так... но без ветоши ничтожной
Неловко сердцу моему!
Ему смешон был пафос ложный,
Противен смех теперь ему.

Ведь все ж, на память роль читая,
В ней вопли сердца я твердил
И, в глупой сцене умирая,
Взаправду смерть в груди носил.

Здесь видно безъисходное положение человека переходной эпохи. Это Моисей, смотрящий слабеющими глазами на холмы Ханаана с вершины горы Небо, которая (он это знает) должна быть его могилой. Трагизм искренен, но смешон; комизм показывает больше силы ума и души, но он неискренен, и действует на страданье как укус может подействовать на живую рану. Кровь перестает течь, рана затягивается, но боль нестерпимая, и неправильное закрытие раны может повести[1] за собою самые вредные последствия. Был трагизм, его сменил комизм; отношения к страданию изменились, а страдание все-таки удерживало право гражданства. Но выступает на сцену наше поколенье и отменяет все, и трагизм, и комизм, и борьбу и страдание. Если я сажусь на стул и накалываюсь на забытую булавку, то не стану ни охать, ни смеяться над своим неприятным ощущением, потому что и на оханье и на смех бесполезно тратится время, которое можно употребить на то, чтобы сбросить булавку на пол (или, что еще лучше, заколоть ее в подушечку, потому что и булавка может пригодиться) и мгновенно прекратить чувство боли. Так поступаем мы и с страданием; его или устраняют или обращают в пользу, потому что всякое страдание имеет свою хорошую сторону, по великому слову Майкова:

Все минувшие страданья
Вспоминаю я с восторгом,
Как ступени, по которым
Восходил я к светлой цели.

[1] *Было*: произвести.

XVIII [1]

Я очень хорошо понимаю, что это длинное рассуждение о страдании и различных отношениях к нему было вовсе не необходимо для анализа характера Лизы, но тут зашла речь об одном характеристическом свойстве нашего поколенья и я позволил себе дать простор до некоторой степени лирическому излиянию, тем более, что оно все-таки уясняет дело и прямо включает Лизу в ряды новейшего, деятель...

8

ЭДМОНД БОРК

I.

Эдмонд Борк родился в Ирландии, в Дублине, по мнению одних биографов, в 1728, а по мнению других, в 1730 году. Отец его, Ричард Брок, владевший небольшим имением в графстве Корк и с успехом занимавшийся адвокатскою практикою, мог дать своим детям очень хорошее образование. До двенадцати лет, Эдмонд учился дома, пользуясь уроками опытного педагога, О'Галлорана, и находясь под надзором и руководством своей матери, Мери Борк, очень умной и образованной женщины. В 1741 году, Эдмонд, вместе с своими двумя братьями, Гарретом и Ричардом, поступил в Баллиторскую академию, частное училище, помещавшееся в деревне Баллитор, в 28 милях от Дублина. Содержателем этого училища был Абрагам Шекльтон, успевший составить себе репутацию превосходного воспитателя и преподавателя. К чести этого Шекльтона надо заметить, что его воспитанники большею частью оставались его друзьями на всю свою жизнь. Сделавшись в политическом мире звездою первой величины, Борк продолжал переписываться с своим бывшим учителем, и видался с ним при всяком удобном случае.

Направление занятий в Баллиторской академии было строго-классическое. Эдмонда заставляли писать латинские и греческие стихи, и при этом его, по всей вероятности, не раз секли, потому что без таких учебных пособий не обходится в Англии ни одно замечательное училище, а также и потому, что без розог очень мудрено

---

[1] *Эта цифра проставлена красными чернилами позже, может быть и не рукой Д. И. Писарева.*

довести пятнадцатилетнего мальчика до писания латинских и греческих стихотворений. Глубоким мыслителям представляется решить, чему именно, стихам или розгам, Эдмонд Борк обязан своими позднейшими блестящими успехами в парламенте.

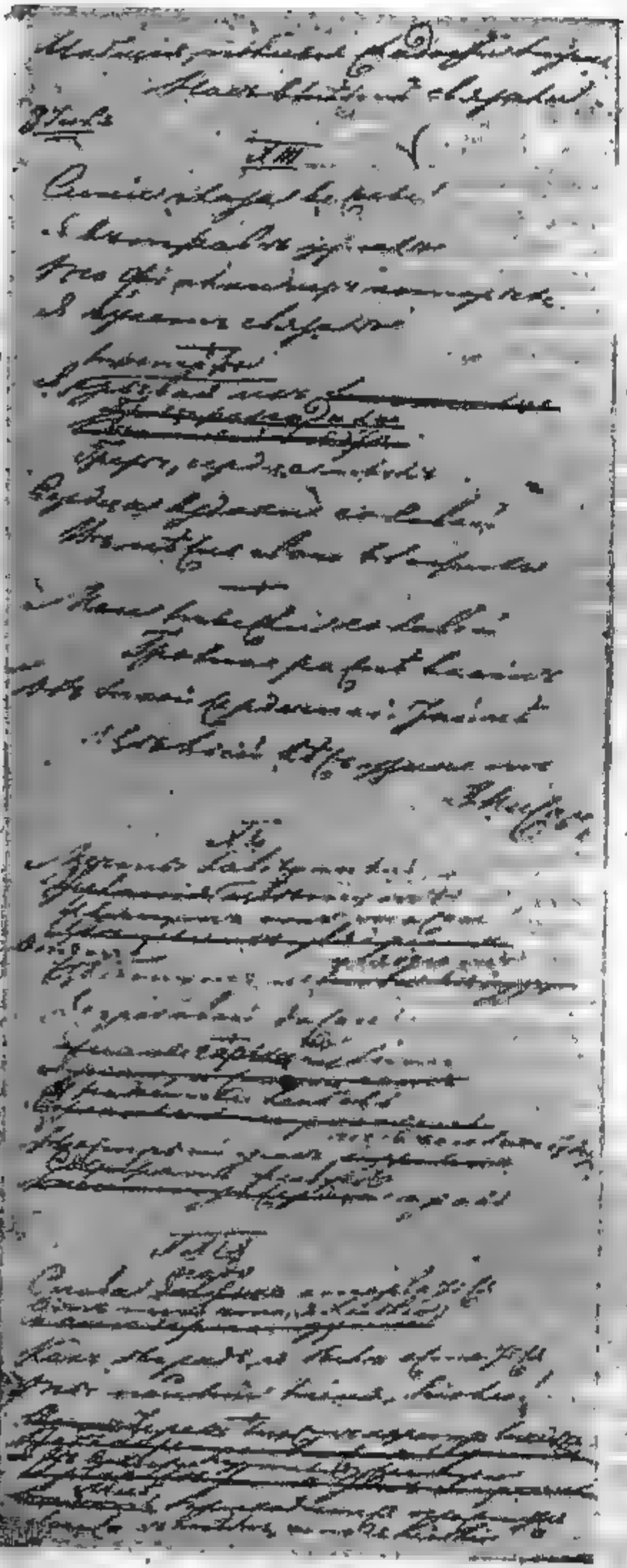
Как бы то ни было, учебные занятия Борка шли настолько успешно, что он, если верить сохранившимся школьным легендам, часто исполнял заданные работы за самого себя и за своих менее ретивых товарищей. Пробывши три года у Шекльтона, и усвоив себе всю Баллиторскую премудрость, Эдмонд в 1744 году поступил в Дублинский Коллегиум св. Троицы, и там подружился на всю жизнь с одним из своих сверстников, Оливером Гольдсмитом, будущим автором Уэкфильдского священника. В Коллегиуме Эдмонд шел на ряду с общею массою студентов, не отличаясь от них своими успехами, ни в дурную, ни в хорошую сторону. В нем развилась, в эти годы, страстная и разносторонняя любознательность, которая, побуждая его к постоянному и самому напряженному чтению, в значительной степени отвлекала его от казенных, то есть обязательных академических занятий. Любимыми писателями Борка, во время его студенчества, были Плутарх и Демосфен, Бекон и Аддисон, Шекспир, Гораций, Виргилий и Лукреций. Находясь в Коллегиуме, Борк был деятельным членом так называемого Исторического общества, студенческого общества, в котором молодые люди приучались рассуждать и спорить о различных предметах, вызывающих на серьезное размышление.

В 1749 году, будучи еще студентом, Борк выступил в первый раз на литературное поприще. В это время, один аптекарь, Чарльз Люкас, выпустил в Дублине несколько брошюр, летучих листков и газетных статей, в которых очень смело критиковал действия правительства. Демократические тенденции Люкаса показались молодому Борку до крайности вредными и опасными. Чтобы противудействовать им, Борк написал несколько статей, подделываясь очень удачно под тон Люкаса и доводя его смелые идеи до таких очевидно карикатурных преувеличений, вследствие которых увлекавшиеся читатели должны были сначала придти в ужас, а потом обратиться на путь истины, то есть, уверовать в роковую неизбежность и в спасительную необходимость крупного землевладения и Верхней палаты. Насколько были успешны эти первые усилия Борка затормозить демократическое движение, — об этом не имеется никаких достоверных сведений.

В 1750 году Борк отправился в Лондон изучать законоведение и готовиться к адвокатской деятельности. Этого желал его отец, и сам Эдмонд с своей стороны не имел положительного отвращения к юридическим занятиям, хотя предпочитал литературу и с каждым годом все сильнее и сильнее заинтересовывался вопросами текущей

политики. В Лондоне он познакомился с своим земляком, драматическим писателем, Артуром Морфи, и через этого Морфи сблизился с оракулом тогдашней критики, знаменитым доктором Самюэлем Джонсоном. Войдя в избранный круг литераторов, Борк стал заниматься литературными работами и помещать статьи в ежедневных и еженедельных газетах и в ежемесячных журналах. Эти работы были ему очень полезны в денежном отношении. Отец назначил ему, правда, достаточное годовое содержание, но этих денег молодому Борку было достаточно только для скромной студенческой жизни, между тем как постоянно расширявшийся круг его знакомства требовал от него многих экстренных расходов на манжеты и кружева, на атласные и бархатные кафтаны и камзолы, на золотое шитье и на разные другие блестящие мелочи, считавшиеся необходимыми в тогдашнем благовоспитанном обществе. На все эти экстренные расходы старый Борк не отпускал сыну ни одного шиллинга, во-первых потому, что кроме Эдмонда, у него были и другие дети, а во-вторых и потому, что в сближении Эдмонда с литературными знаменитостями он совершенно основательно видел помеху тем специальным юридическим занятиям, которые, по его мнению, должны были со временем привести молодого человека к почетному и обеспеченному положению в обществе. Но Эдмонд шел своею дорогою и поддерживал себя собственною работою, не ссорясь с отцом и не подчиняясь также беспрекословно его указаниям, внушениям и наставлениям.

Живя в Лондоне, Борк мог следить внимательно за всеми проявлениями богато развитой и постоянно развивающейся политической и общественной жизни. Во время парламентских сессий, он, по вечерам, часто отправлялся один в Палату общин, забирался в галлерею, предназначенную для публики, притаив дыхание, забывая себя и весь мир, свою дневную работу, свои ближайшие планы и своих знакомых, отрешаясь от своей собственной личности, погружаясь всеми силами своего слуха, зрения и напряженного внимания в величественные сцены дебатов, развертывавшихся в зале под его ногами, тех дебатов, к которым со страхом и недоумением прислушивалась в течение прошлого столетия, вся континентальная Европа, не видавшая у себя дома ничего подобного. Никакое чтение, никакой театр, никакая музыка не могли подействовать на Борка так глубоко и обаятельно, как действовали на него речи ораторов, у которых каждое слово клонилось к тому, чтобы породить дѣло, и поворотить в ту или в другую сторону силы целой великой нации. «Некоторые из этих людей, сказал он одному из своих друзей под свежим впечатлением минуты, говорят как Демосфен и Цицерон, и слушая их, я как будто чувствую себя в Афинах или в Риме». В этом классическом сравнении сказывается влияние школьных понятий и симпатий; если бы Борку когда-нибудь

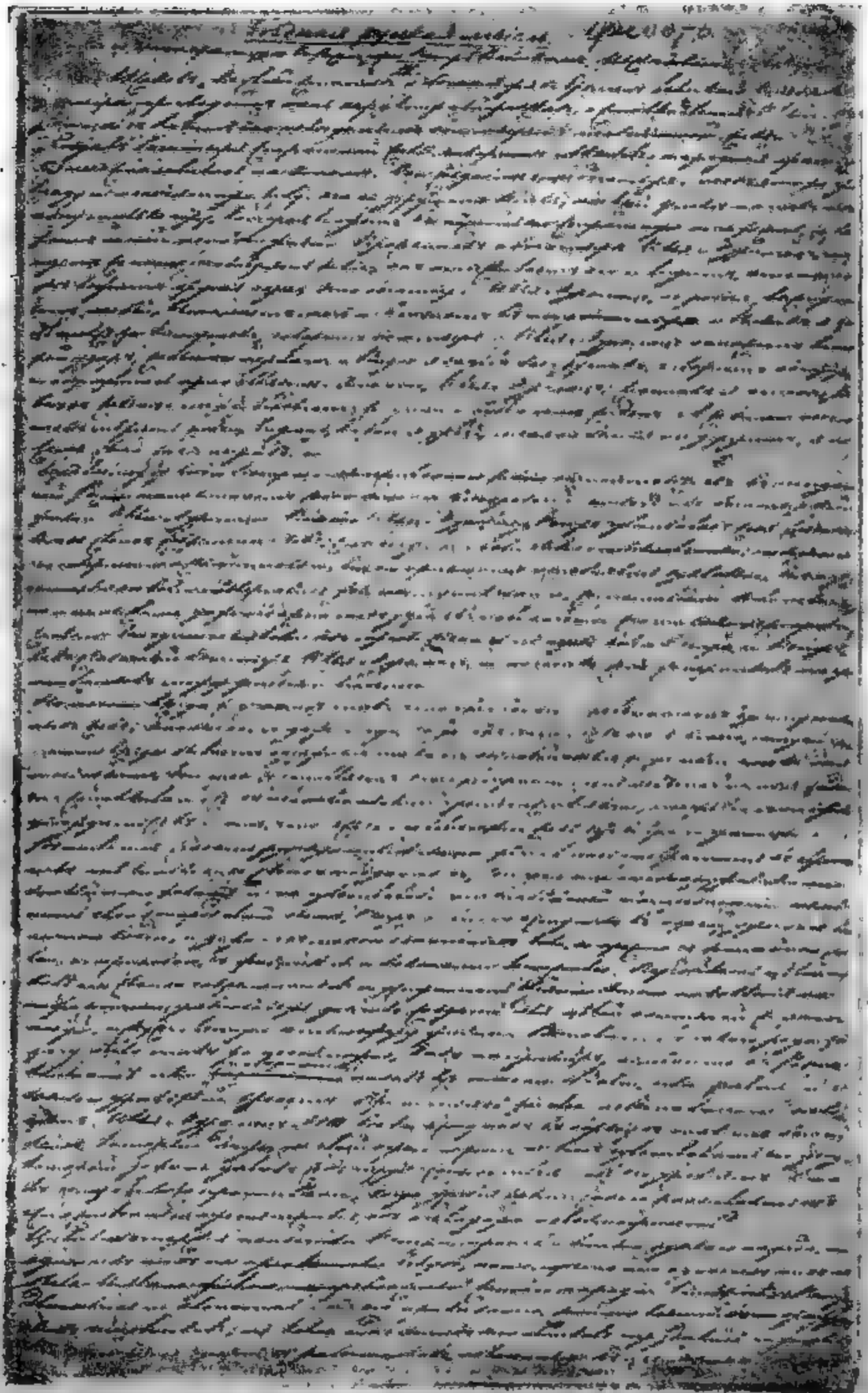


Черновик перевода Д. И. Писарева из лирических стихотворений Гейне.

удалось совершенно освободиться из-под этого влияния, то он, по всей вероятности, сознался бы, что его классическое сравнение было слабо и неудачно, потому что ни в Афинах, ни в Риме не было ничего такого, с чем можно было бы достойным образом сравнить политические учреждения Англии, и, в особенности, блестящий центр этих учреждений, Палату общин.

В 1756 году, Борк издал небольшую книгу под следующим заглавием: «Оправдание естественного общества, или взгляд на несчастия и бедствия, возникающие для человечества из каждой формы искусственного общества. В письме к лорду ****, написанном умершим благородным писателем». В этой книге он подражал языку и тону покойного виконта Болингброка с такою же целью, с какою он в Дублине, семь лет тому назад, копировал литературные приемы агитатора Люкаса. Генри Сент-Джон, лорд Болингброк, умирая в 1751 году, передал свои рукописи другу своему, поэту Давиду Маллету, и завещал ему привести их в порядок и выпустить их в свет. Издание этих рукописей состоялось в 1753 году, к немалому соблазну и огорчению всех верных сынов англиканской церкви. Чтобы дать читателю некоторое понятие об общем направлении этих сочинений, достаточно будет заметить мимоходом, что лорд Болингброк был одним из любимых писателей Вольтера. К числу верных и почтительных сынов англиканской церкви, возмущенных дерзким и насмешливым скептизмом Болингброка, принадлежал и Эдмонд Борк. Говоря с публикою тоном покойного виконта, Борк старался доказать, что скептический образ мыслей не только враждебен положительным религиям, но также подкапывает и все основания гражданского общества. Задача Борка состояла в том, чтобы испугать публику и отбросить ее назад в область общепринятых и установившихся понятий, показав ей внезапно крайние выводы такой системы идей, которая могла ей понравиться своею смелостью и новизною. При этом надо заметить, что Борк мог бы, без особенного вреда для англиканской церкви, воздержаться от своей литературной экспедиции против покойного Болингброка. Представители общепринятых установившихся понятий не дремали. Уже в октябре 1754 года было начато против сочинений дерзкого вольнодумца судебное преследование, мотивированное в обвинительном акте тем, что эти сочинения клонятся к разрушению религии, существующего порядка и нравственности и подвергают опасности спокойствие королевства.

Пародия Борка была написана так искусно, и ироническое намерение автора было так хорошо замаскировано, что значительная часть читающей публики приняла эту пародию за новую книгу Болингброка и таким образом прибавила новое преступление к списку грехов, совершенных покойным скептиком. Бедному Маллету, уже имевшему



Страница рукописи статьи Д. И. Писарева „Белая русская мысль".

на руках хлопотливый процесс за грехи легкомысленного друга, пришлось еще разуверять публику, и объявлять печатно, что Болингброк никогда не писал Оправдания естественного общества.

В том же 1756 году, Борк издал книгу под заглавием: «Философское исследование о происхождении наших идей о высоком и прекрасном». Эта книга имела огромный успех, и доставила своему автору громкую известность. Даже отец Эдмонда, смотревший очень косо на литературные занятия молодого человека, решился помириться с обозначившимся призванием сына, как с существующим фактом. Когда в 1757 году появилось в свет новое издание книги «О высоком и прекрасном», тогда старый Борк послал сыну, в знак своего родительского благоволения, денежный подарок в сто фунтов. С этого времени прекратились настоятельные требования, чтобы Эдмонд прилежно изучал фолианты юристов и усидчиво работал под руководством опытных стряпчих.

Тотчас после издания книги «О высоком и прекрасном» знакомства с Борком стали искать все лондонские знаменитости.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Аддисон, Джозеф 46
Аксаков, Константин Сергеевич 12
Алкивиад 41
Байрон, Джордж-Гордон 13, 43
Баратов, Дмитрий 16
Белинский, Виссарион Григорьевич 5
Бенни, Карл Иванович 21
Благосветлов, Григорий Евлампиевич 20
Болингброк, Генри-Сент-Джон 49
Борк, Гаррет 45
Борк, Ричард 45
Борк, Эдмонд 5, 9, 12, 45
Брантом, Пьер-де-Бурдейль 42
Бэкон, Френсис 46
Владимир, великий князь 12
Вергилий, Публий Марон 86
Вольтер, Франсуа-Мари-Аруэ 49
Гарднер—см. Коренева
Гейне, Генрих 6, 7, 13, 15, 17, 18, 20, 43, 48
Гиппократ 41
Гольдсмит, Оливер
Гончаров, Иван Александрович 8, 12, 13
Гораций, Квинт Флакк 46
Грибоедов, Александр Сергеевич 6
Григорьян, Камсар Нерсесович 3, 10
Данилов, Андрей Дмитриевич 5, 28
Дарвин, Чарлз 17
Делянов, граф Иван Давыдович 20
Демосфен 46
Джонсон, Самюэл 47
Дидро, Дени 5, 9, 12
Диккенс, Чарлз 11
Златоуст, Иоанн 41
Казанович, Евлалия Павловна 5, 7, 11, 12
Келер, врач 27
Клопшток, Фридрих-Готлиб 6
Ковалевский, Егор Петрович 21
Коренева (Гарднер), Раиса Александровна 7, 15, 19
Коробов, А. Г. 24
Кутейников, Николай Степанович 25, 27, 28
Лавров, Петр Лаврович 9
Лессинг, Готтгольд-Эфраим 9
Ливий, Тит 41
Лидия Осиповна 19
Лукреций 46
Люкас, Чарлз 46
Майков, Аполлон Николаевич 13, 44
Майков, Леонид Николаевич 6, 15, 20
Маллет, Давид 49
Маркович, Богдан Афанасьевич 13, 23, 25, 28
Маркович (Марко Вовчок), Мария Александровна 5, 6, 12, 13, 21, 25, 26, 27, 28
Модзалевский, Лев Борисович 10
Монтэнь, Мишель 42
Морфи, Артур 47
Мюллер, Готфрид 17
Неккер (Сталь-фон-Гольдштейн), Анна-Луиза-Жермена 42

Некрасов, Николай Алексеевич 24, 27
Норов, предводитель дворянства 27
Павленков, Флорентий Федорович 12, 24, 25, 26, 28
Пекарский, Петр Петрович 12
Пиксанов, Николай Кириакович 7, 19
Писарев, Дмитрий Иванович 3—29, 32, 36, 40, 48, 50
Писарев, Иван Иванович 18, 20, 24
Писарева Варвара Дмитриевна 11, 12, 18, 19, 20, 23, 24, 26
Писарева, Вера Ивановна 15, 19
Писемский, Алексей Феофилактович 8, 12, 13
Плавт, Тит Макций 41
Плутарх 46
Рабле, Франсуа 42
Свенкин 16
Сенека, Луций Анней 41
Славцева, А., переводчица 12
Сократ 41
Стоюнин, Владимир Яковлевич 11
Суворов-Рымникский, граф, князь Италийский, Александр Аркадьевич 19
Тиссаферн 11
Тотлебен, Франц Самойлович 12
Трескин, Алексей Михайлович 20
Трескина, Александра Кондратьевна 20
Тургенев, Иван Сергеевич 8, 9, 12, 13, 24
Турунов, Михаил Николаевич 20
Фарнабаз 11
Фицтум-фон-Экстедт, Александр Иванович 18, 27
Цехновицер, Орест Вениаминович 7, 19
Цицерон 47
Чернышевский, Николай Гаврилович 10
Четиркин, Иван Яковлевич 12
Шекльтон, Абрагам 45
Шекспир, Вильям 46
Шиллер, Фридрих 6
Эттингер 19.

СОДЕРЖАНИЕ

Ср.

От редактора 3

К. Н. Григорьян. Рукописное наследие Д. И. Писарева 5

I. Автографы Д. И. Писарева

1. Оригинальные произведения, переводы и др. 11

а) Оригинальные произведения (№№ 1—10) 11

б) Переводы (№№ 11—16) 13

в) Официальные документы (№ 17) 18

2. Письма к разным лицам (№№ 18—35) 18

II. Письма разных лиц к Д. И. Писареву (№№ 36—61) 24

III. Материалы о Д. И. Писареве

1. Официальные документы (№№ 62—66) 27

2. Воспоминания и другие записи разных лиц (№№ 67—71) 27

Приложения. Неопубликованные тексты Д. И. Писарева

1. Летний вечер 29

2. Разбор комедии „Горе от ума" 30

3. Мщение 34

4. Первый урок за азбукой 36

5. <Отрывок без заглавия> 39

6. <Отрывок без заглавия> 41

7. <Отрывок без заглавия> 43

8. Эдмонд Борк 45

Указатель личных имен 53

Редактор издательства А. М. Барабанов Подписано к печати 17/II 1941 г.
М 35711. Объем 1¾ печ. л. + 1 вкл. 2,73 авт. л. 45056 зн. в печ. л. Цена книги 1 р. 75 к.

Типография № 5. Лештуков пер., 13.
Тираж 2000 экз. Заказ № 2782

Pek - 572

Цена 1 р. 75 коп.

23734

Ак. Р.
4341.